

Артур Андреевич
Прокопчук

Беларусь. XX век, железный век

взгляд из окна своего дома

Артур Прокопчук

**Беларусь. XX век, железный
век. Взгляд из окна своего дома**

«Издательские решения»

Прокопчук А. А.

Беларусь. XX век, железный век. Взгляд из окна своего дома /
А. А. Прокопчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936238-4

События XX века в Беларуси глазами членов одной семьи. Пути белоруской семьи от революционных дней 1917 года до послевоенного времени. Пятидесятые годы, годы восстановления разрушенного дома, возрождение отечества...

ISBN 978-5-44-936238-4

© Прокопчук А. А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Начало столетия в новой стране	16
Итоги Первой Мировой	36
После двух революций	43
Беларуский вавилон	48
Жернова истории	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Беларусь. XX век, железный век Взгляд из окна своего дома

Артур Андреевич Прокопчук

© Артур Андреевич Прокопчук, 2018

ISBN 978-5-4493-6238-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩАЮ ПАМЯТИ ЛЕОНИДА МОРЯКОВА

**ПИСАТЕЛЮ И ЖУРНАЛИСТУ, ИСТОРИКУ И
ЭНЦИКЛОПЕДИСТУ,
ЧЛЕНУ СОЮЗА БЕЛАРУСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,
ЧЛЕНУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПЕН-КЛУБА,
ГОДЫ ЖИЗНИ ОТДАВШЕГО
СВОЕЙ «РАДЗІМЕ» – БЕЛАРУСИ
ЛЕОНИДУ МОРЯКОВУ**

**ОН ВЕРНУЛ В БЕЛАРУСКУЮ ИСТОРИЮ
ИМЕНА ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ
РЕПРЕССИРОВАННЫХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ**

Вступление

Десять столетий промелькнуло, 1000 лет истории, год за годом, пронеслось перед моим мысленным взором. Я, как мог, как понимал, описал этот исторический пласт в двух книгах – «Полоцк-Літва-Rzeczpospolita-Беларусь, это наше...». Осталось ещё одно, самое трагичное и жестокое, двадцатое столетие – «железный век», таким этот век мне кажется. Мне нужно ещё время, чтобы осмыслить, понять его. А пока я хочу подвести итог своим размышлениям, ещё раз вспомнить о том, что давно ушло, но что заставляет меня всякий раз мучительно сопереживать тем героям, о которых я постарался напомнить своим соотечественникам.

Мне было по пути с войском Великого Миндовга в его походах и сражениях с тевтонским орденом. Я восхищался мудростью Гедимины и боевыми подвигами Ольгерда и Витовта. Я сам на время стал участником Грюнвальдского сражения. Я завидовал высокой культурной среде семьи Радзивиллов, которая вырастила много поколений талантов, сделала возможной появление собственных героев Великого княжества. В этом средоточии культуры, корнями связанной с европейской цивилизацией, появились герои, чьи имена заставляют нас гордиться ими, нашими соотечественниками. Первые среди равных, эти имена входят в мировую культуру. Они соперничали с достижениями лучших представителей своего времени. Плоды их просветительства были увековечены в Первой европейской феодальной Конституции – Статутах Великого Княжества. Их трудами было создано Первое федеративное государство, союз народов – Реч Посполита (Rzecz Pospolita польск. яз.), новое политическое образование в Европе, в составе которого было «Великое княжество литовское, русское и жамойтское» и Польская корона. Это могучее объединение остановило на 500 лет вторжение на наши земли Немецкие ордена и их отряды, подмявшие под себя за несколько столетий почти все прибалтийские, западно-славянские княжества, захватившие их земли, вытеснившие из своих вотчин славянские народы.

Но у истории есть свои планы и пути её, как пути Господни, неисповедимы. Разорвано было, разделено на несколько частей, могучее некогда государство нескольких народов. Исчезли в историческом тумане, на двести с лишним лет, и части оставшейся в прошлом великой страны и её население, которому стали присваивать другие имена, ценности. В этом вселенском сражении за территории, земли и богатства, целый народ, или население, как кому удобно, литвины или беларусы, были лишены сначала своих земель, потом религии, а потом и языка.

Постановление Конфедерации Сословий Речи Посполитой (1696 год), запретило дело-производство на старобеларуском языке. Это был первый удар по самобытной культуре складывающейся нации. Потом, через столетие, исчезло и все государство Великое Княжество Литовское, разделенное между Россией и западными империями, исчезло как и ее партнер по федерации, по Речи Посполитой, древняя Польша.

Три раздела территорий Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795) стёрли с карты её название. Из истории исчезло древнее национальное образование – литвины.

Третий удар агрессивная восточное государство нанесло запретом на старобеларуский язык, что произошло после полной оккупации территорий Великого княжества Российской империей (1795). Но это было еще не последнее политическое насилие над населением страны.

В XIX-ом веке в состав расплывающейся по всем континентам Российской империи, народ, нация, население, как кому удобнее, Великого княжества вступило под официальным прикрытием нового названия своих территорий – Северо-западный (Западный) край.

«Советская Историческая Энциклопедия забавно делит окраины Российской империи на колонии и „не колонии“. Кавказ и Средняя Азия – колонии, Западный край – нет. Возможно, потому, что цивилизационно он стоял выше метрополии. Так, парламент – сейм, государствен-

ный совет – в ВКЛ появился в XV веке, а в Российской империи только в XIX. Даже такая мелочь, как современный григорианский календарь: Минск на него перешел в 1582 (при Стефане Батории), а Москва – в 1918 году» [1].

Запрет на язык, на доступ к архивам, к «Литовским метрикам», стал делом государственной важности для России и был узаконен «Указом» Николая I-го в 1840 году, когда были запрещены любые упоминания в делопроизводстве терминов «белорус, белоруссия» (в той старой русской орфографии).

Запреты на старобеларуский язык оставили в забвении шесть столетий истории, документированной «Литовскими метриками», архивными материалами Великого Княжества Литовского (ВКЛ), вывезенными из Вильни, Гродно, Полоцка и Минска в Москву и Петербург. Эти архивы, собранные стараниями княжеского рода Радзивиллов в Несвиже (Минская обл. Беларусь), включали почти 600 томов документов, начиная с XIV века, написанными на старобеларуском языке – официальном языке делопроизводства княжества.

Вначале исчезли литвины, в новом государстве, в Российской империи им придумали и новое имя – «белорусы». Понимая, что этого недостаточно, чтобы погрузить в забвение прошлое, историю народа, империя начала бороться за души жителей этого «северо-западного края», так они начали называть территории Великого княжества литовского. После запрета на язык, одного из древнейших славянских языков, запретили все, что с этим языком было связано – школы на родном языке, печать, книги, литературу. Последний удар империя нанесла с помощью своей послушной церкви по религии населения, по униатству (1840 год). Были закрыты все униатские церкви, где богослужение шло на «родной мове».

После народного восстания в 1863 году под началом Кастуся Калиновского в Польше и Литве-Беларуси было запрещено и всякое книгопечатание на беларуском языке (1867 год), были закрыты многие типографии («друкарни» бел. яз.).

Уничтожалась методически самая распространённая в Великом княжестве религия – Униатство, по разным оценкам охватившая около трех четвертей населения. Это было уже концом катастрофы. Причем борьба с униатством, с униатами-беларусами приняла самые жестокие формы. В Российской империи не стало ни литвинов, ни беларусов: католики, а потом и недобитые униаты, причислялись к полякам, жамойты стали «литовцами» (бывшие летувисы), славяне, исповедующие православие в ВКЛ и в Польше, зачислялись в «русский народ».

Екатерина II, как порядочная немка, еще некоторое время мучилась с формулой, вроде «литвин-беларусец». Николай I-ый «резанул по живому» и бывшие к этому времени, хотя бы в документах, Великое Княжество литовское, как и Польская корона, некогда могучее федеративное государство нескольких народов, включающее и литвин, и жамойтов (современных литовцев), и поляков и многих других, Реч Посполита, исчезли из истории.

Однако Статут Великого Княжества Литовского 1588 года, связанный с именем великого литвина Льва Сапегы, содержащий 488 статей, по свидетельству многих историков «Первая феодальная конституция в Европе», дожил до 1840 года. Статут был отменен специальным указом Николая I, а некоторые его положения сохраняли силу на территории бывшего княжества вплоть до 1917 года. Кстати, впервые в европейской истории, в этом документе был изложен основополагающий принцип разделения властей (Великий Князь – исполнительная власть, Трибунал ВКЛ и нижестоящие суды – судебная, Сейм – законодательная).

И все-таки сто лет XIX-го века не прошли бесследно для нации, как бы её не называли, литвины, беларусы или, как говорят специалисты-культурологи, новым словом «тутэйшыя» (здешние в пер. с бел. яз.), которое было ограничено принято на Пинских землях княжества.

Беларуский язык оставался (и остается до сих пор) разговорным языком для крестьян и части мелкой шляхты (дворянство ВКЛ). Местная шляхта владела беларуским, но после введения обязательного делопроизводства на одном языке, чаще использовала польский язык. До запретов 1840-х годов беларуский язык продолжал оставаться языком литургии в самой распространенной на территории княжества христианской конфессии – униатстве.

«Вместе с тем этот период сыграл очень важную роль в формировании беларуского самосознания, в ответ на репрессии российских властей стало оформляться собственно беларуское национал-патриотическое движение... Речь идет о появлении национальной беларуской идеи как таковой, вне ее связи с польской... Среди ее последователей были прежде всего те, кто не ассоциировал себя больше с польской национальной идеей, кто осознавал свое, отличное от поляков или русских происхождение. Социально носители беларуской национальной идеи происходили из разных слоев, – в частности, из мелкой и средней шляхты, это были хорошо образованные люди, нередко выходцы из Виленского Университета, уникального учебного заведения, наполненного духом свободомыслия и патриотизма (не только беларуского)» [2].

И в этих сложных условиях литвины, беларуская земля, дала свету выдающихся людей – Адама Мицкевича, Станислава Монюшко, Федора Достоевского, Михала Клеофаса Агинского, Игнация Дамейко, Михаила Глинку, Иосифа Гашкевича, Ивана Черского, Францышка Богушевича, Дунина-Марцинкевича и многих других.

«Одним из важных проявлений всплеска национального пробуждения в тот период было и развитие литературы, где в первую очередь, выделяют Адама Мицкевича, Яна Чачота, Яна Барщевского и Викентия Дунина-Марцинкевича. Особое место при этом – в плане раскрытия идеи белорускости – принадлежит В. Дунину-Марцинкевичу» [2]. Кто из них по карьерным соображениям, кто в силу других обстоятельств, например, семейных традиций, выбирал себе другой язык, польский или русский, для выучки и дальнейшего продвижения «по службе». Многих из них соблазнил Петербург, часть литераторов стали двуязычными. Филологи русской школы находили все новые обозначения для языка исчезнувшего государства (ВКЛ).

Созревала медленно, новая культура, росло сопротивление имперской стратегии поглощения народа, три восстания (1794, 1830 и 1863 г.г.) оставили незабываемый след в народе, память в умах подрастающих поколений, несмотря на колоссальные жертвы. Эти восстания не смогли освободить Литву и Польшу, но, в итоге, посеяли ростки растущего самосознания народа. Жертвы не были напрасными.

Вызревала в беларуской среде идея о «беларуской нации», о самостоятельности народа после уничтожения царизма. В демократическом подполье Петербурга, в среде революционеров-народовольцев готовились, в «Народной воле», акции уничтожения царя. Беларуский шляхтич Игнатий Гриневецкий, студент Петербургского Технологического института, осуществил теракт в столице Российской империи. На весь мир прозвучал взрыв на набережной Екатерининского канала, был убит Александр II.

Именно, в Петербурге стал тогда выходить первый, нелегальный журнал «Гомон – Беларускае сацыяльна-рэвалюцыйнае абозрэньне» (1884 год), а позже было образовано на основах товарищества («суполка» – бел. яз.) легальное издательство «Загляне сонца і у наше ваконца» (1906 год). В этом же году стала выходить на латинице и кириллице ПЕРВАЯ беларуская газета «Наша доля».

До Первой мировой войны издательство в Петербурге успело выпустить более 100 тысяч экземпляров беларуских книг и брошюр. В начале XX века возрождению традиций беларуской культуры во многом способствовало все расширяющееся национальное движение, стала регулярно печататься в Вильне (совр. Вильнюс) общепеларуская газета «Наша Ніва». Расцветал

талант будущих классиков современной белорусской литературы – Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Цётки и др.

Остановимся мы перед описанием двадцатого, «железного века», сделаем вдох и погрузимся в пучину страшного потока событий, которые наполнили все это столетие, начавшееся, на переломе столетий, массовым исходом из белорусских земель крестьянского сословия.

В конце XIX века, обескровленная после трех антироссийских, антицарских восстаний (1795, 1830—1831, 1863 гг.), нация остановилась в ожидании XX-го столетия, как перед прыжком в воду.

Ко второй половине XIX столетия уже не существовало ни Великого Княжества Литовского (ВКЛ), ни Польши, ни белорусов, ни литвин. Лучшие национальные представители Великого княжества покинули пределы края, эмигрировали в Европу и другие страны.

Не все эмигранты на чужой земле служили своему отечеству. Часть их растворялась в новой нации и навсегда исчезла для Беларуси. В лучшем случае, упорным трудом для новой родины они прославляли и край своего происхождения.

Но мы должны помнить их имена, их вклад в мировую культуру, науку, искусства. Такие имена, как Тадеуш Костюшко, Гийом Апполинер (Костровицкий) или Адам Мицкевич, Михаил Клеофас Агинский или Станислав Монюшко, являются гордостью мировой культуры.

В здании конгресса США стоит бюст Тадеуша Костюшки, национального героя Польши, США и Беларуси, почётного гражданина Франции, а в Вашингтоне ему поставлен памятник.

**памятник Костюшко
США Вашингтон, 2008**

12 мая 2018 года, наконец, открывается памятник и на его родине (Меречевщина, Беларусь).

В Чили почитается имя Игната Домейко из имения Недзьведка под Миром (Минская обл.), который в Париже (участник восстания 1831 года) окончил Горную школу. Приглашенный в молодую Чилийскую республику он возглавлял университет Сантьяго (1867—83 гг.). Город на севере страны назван в его честь Дамейка и порт на юге Араукании – Пуэрта Домейка. Когда в 1889 году он умер, над его могилой выступал президент Чили. Игнатий Домейка был объявлен национальным героем Чили.

И наконец Адам Мицкевич (1798—1855 гг, Заосье, Новогрудский уезд, совр. Минская обл.), «гений пограничных культур», воспевавший Литву, где он родился и возмужал, оставивший величайшее произведение своего времени – «Пан Тадеуш, или Последний заезд на Литве».

Православие и, близкий к русскому, народный древний славянский язык «литвинов», были главными аргументами для присоединения целой нации к России, несмотря на то, что к этому моменту, примерно, три четверти населения были униатами (греко-католики). О католиках литвинах-беларусах царские власти решили просто не упоминать, хотя их число преобладало над православными на территории ВКЛ до «великой перестройки» 1839 года. Их «зачислили» в «поляков», не желая в этом вопросе входить в конфронтацию с Польшей, Ватиканом, польским католическим населением, в исчезнувшей после трех разделов громадной стране.

Война самодержавия с униатством на территории беларуских земель официально завершилась 12 февраля 1839 года. В этот день в Полоцке начался церковный собор, который принял акт о ликвидации Унии, где тон задавал епископ Иосиф Семашко, переметнувшийся из униатства в православие. Бывший униатский епископ Семашко, украинец по происхождению, вставший на сторону царизма, принудительно вводил в униатских духовных семинариях и в церковных отчетах русский язык. Святая София, третий не только по старшинству, но и по времени постройки, общеславянский, христианский собор (дата возведения 1030 год), уже два с половиной века был греко-католическим (униатским) храмом. В его стенах прозвучало постановление о возвращении своих прихожан «в лоно прародительской православной веры, дабы пребывать отныне в послушании Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода».

«Вместе с насильственным переводом литвин-беларусов в „истинную“ веру уничтожался громадный пласт древней культуры: царские слуги в церковных рясах сжигали униатскую скульптуру, распиливали грекокатолические распятия, выбрасывали из храмов „неправославные“ иконы. На погостах горели костры из книг. Гибла не только современная литература, православные церковные фанатики отправляли в огонь все старинные рукописи и издания» [3].

Иосиф Семашко в 1852 году лично наблюдал, как сгорели на кострах новой инквизиции 1295 древнейших книг, найденных в бывших униатских храмах. В своих «Записках» он с гордостью сообщал, что за следующие три года по его приказу сожгли еще две тысячи томов. На беларуской земле воцарилась официальная русская православная церковь, которая послушно выполняла волю царской власти. Православию была поручена главная роль в русификации и денационализации беларусов.

«С далеких времен в Беларуси утвердился обычай уважительно относиться к инакомыслящим и инаковерующим. Мы не знали церковных расколов, как в Московии, и религиозных войн или событий наподобие Варфоломеевской ночи, как на Западе. Традицию толерантности – религиозной и национальной терпимости – беларусы пронесли через века. Сегодня она находит свои особые способы выражения: Беларусь – единственное европейское государство, где главные христианские праздники – Рождество и Воскресение Христово – официально отмечаются всей страной как по григорианскому, так и по юлианскому календарю. Не менее уникален и тот факт, что в государственном календаре присутствуют праздники дохристианского происхождения – Дзяды и Радуница, связанные с почитанием памяти предков» [3].

Вообще говоря, ничего нового не произошло, веком раньше, по распоряжению московского патриарха, точно так же сжигали книги и рукописи выдающегося беларуского уче-

ного и литератора, Симеона Полоцкого, учителя детей русского царя, Алексея Михайловича. Симеоновы книги были преданы анафеме, как еретические, с запретом даже упоминать их. Не помогло ни то, что он был учителем детей царских, ни то что именно он, Симеон Полоцкий (Самусь Ситнянович) был автором Устава («Привилеи») первой Московской Славяно-греко-латинской академии, предтечи Московского университета.

Запрет на названия «Литва» и «Беларусь», а также на сам язык и его употребление, был окончательно оформлен царским указом 1840 года, когда были прекращены церковные проповеди на беларуском языке. Узаконенное позже официальное русское название народа «белоруссы» стало делом рук российских чиновников, политиков, историков и филологов. Приведу пример того, как русские «специалисты» переименовали, например, название «литвинский народ».

«В первом издании 1836 года, в книге «Сказания русского народа», известный русский ученый Сахаров о современной (ему) Беларуси повсюду пишет: «литвины», «славянская Литва», «славянские литовцы Виленщины, Минщины, Брестщины и Гродненщины», «литовские славяне».

В издании 1849 года вместо термина «литвины» стоит исправленный – «литовцо-руссы». А в переиздании 1885 года уже почти везде вместо «литовцо-руссы» стоит «белоруссы».

Сахаров Иван Петрович, 1807 – 63 г.г. – известный русский этнограф, археолог и биограф.

«Упразднив» царским указом язык «литвинов», придумав даже новое название для представителя нации – «литвин-белорусец» (было и такое), царские чиновники за одно столетие своими «трудами» основательно разрушили две истории, две древнейшие славянские культуры: литовско-беларускую и украинскую. Кстати сказать, термин «белорусец» в XVII веке чаще относился к жителям современной Украины (Потебня А. А. Этимологические заметки, Живая старина. Вып. 3. СПб, 1891. С. 118 – 119).

С одной стороны это было связано с малограмотностью большинства русских «писарей», с другой подводилась основа для выделения особой роли Московии в славянском мире. Казусов в русской историографии того времени было немало.

Под названием «белорусская вера», например, в Русском царстве тогда понималась даже вера запорожских казаков:

«А запорожские де, черкасы посылали на сойм х королю, чтоб их белорусские веры король не велел нарушать» [4].

Документы Великого Княжества Литовского, свидетельствующие «против» этих конъюнктурных построений, которые могли бы дать основу для осмысления многих исторических фактов, а также и вопросов связанных с языком, его названием, структурой, грамматикой, так называемые «Литовские метрики», после оккупации земель Великого княжества были целиком вывезены в Россию. Полная «Литовская Метрика» состоит из 566 томов in folio, включающих документы с 1386 года по 1794 год. Все эти материалы, написанные на древнебеларуском (словенском, русском, с одним «с», лингвисты до сих пор не могут договориться об этих тонкостях) языке, в свое время были надежно упрятаны в «Архивы» Российской империи, где до сегодняшнего дня благополучно, а может, и неблагополучно, покоятся.

Захват чужих территорий, Литовско-Польского государства или, например, Картлийско-Кахетинского царства, современными русскими историками описываются в терминах «историческая целесообразность», «воссоединение народов» или «защита единоверцев». Однако существует и другая точка зрения на эти «присоединения».

«С той поры, когда в XV веке Москва избрала для себя дорогу построения православной империи, приоритетом страны на пять столетий вперед стала внешняя территориальная экспансия, но не обустройство внутреннего пространства» [5].

Некоторыми из историков все-таки признается, что произошла «потеря статуса» присоединенных государств, еще одно придуманное ими определение для смягчения горечи происшедшего. Так сказать – подсластили пилюлю. О каком же статусе вообще можно говорить, когда, например, два независимых в течение многих столетий государства, были преобразованы в заштатные губернии, управляемые петербургскими чиновниками до обеих революций 1917-го года, а после октября 1917 года – советскими, как правило, московскими партократами – «выдвиженцами».

Со времени восшествия на российский престол царицы-немки, Екатерины II, царскую волю «на местах» исполняли педантичные генерал-губернаторы немецкой закваски, часто и немецкого происхождения, особенно в трудные моменты управления «народными массами». В советское время из Москвы, для тех же целей, обычно присылали «проверенного товарища» для надзора за национальными кадрами. Была даже придумана особая должность «2-го секретаря» компартии республики, обязательно русской национальности. Так сказать, для присмотра за «братьями». С литвинами (беларусами) у царского правительства было меньше хлопот, особенно после запрета на употребление в документах слов «литвин», а позже и «беларус», чем, например, с грузинами, сохранившими и свой язык и свою церковь.

Началось манипулирование терминами со ссылками на известные документы.

Еще в первой грамматике национального просветителя литвин-беларусов и украинцев Лаврентия Зизания, на титульном листе было напечатано – «Грамматіка словенска В ВІЛЬНИ В друкарни Братской року 1596». Год выпуска был указан буквами кириллицы «от създанія міра»). К «Граматице» прилагался и словарь – «Лексис, сиречь реченія въкратце събранны и из словенскаго языка на просты русскій диялект истолкованы».

Так что русским «специалистам» не составило большого труда причислить язык литвин сначала к славянским, что истинно так, а потом уже и к русскому языку. Заодно и построив версию образования украинского и беларуского «диалектов» от русского языка. То есть перевернув все с ног на голову.

Были у Российской империи все-таки трудности и материального порядка – одно дело переписать исторические материалы на русский язык, перевести их со «словенского» (старо-беларуского или старорукраинского) на московско-русский или церковно-славянский, другое – перестроить сотни униатских или католических храмов на всей территории, где проживало беларуское население. До сегодняшнего дня режут глаз в городах Беларуси, перестроенные из католических костелов и униатских храмов, «новоделы» российской империи и страны Советов. Да и для советских архитекторов и историков архитектуры загадка – как это в центре Минска, например, стоит, православный кафедральный собор Святого Духа с обводами католического костела, который, оказывается, строили для католического ордена Святого Бернарда, вдохновителя и участника «Крестового похода против славян (вендов) 1147 года». Таковы парадоксы истории.

Могут возразить, что и православные храмы передавались униатам, но тогда ведь, еще раньше, и литвинские (литовско-беларуские) языческие каплицы были уничтожены христианами ревнителями веры. Но мы не о том ведем речь. С чего, с какого времени начинать счеты?

Я не ставлю задачей давать какую-либо оценку этому длительному и сложному, часто кровавому, историческому процессу. Был ли он «положительный» или, наоборот, привел к оккупации и затормозил развитие государственности, независимости двух стран, как счи-

тают, скажем, в современной Грузии. Я обращаюсь к картам и историческим справкам, чтобы представить читателю масштабы захвата территорий «сопредельных России», как сегодня любят использовать этот термин, суверенных государств, входящих в сферу государственных интересов России.

После первого раздела федеративного Литовско-Польского государства («Речь Посполита») Россия прирезала к своей территории 92 000 км. кв. и прирастила население в 1 300 000 человек. После второго раздела «Речи Посполитой» еще более четырех миллионов граждан этой страны оказались в разных государствах: западные беларусы-католики и поляки в Прусском королевстве, а восточные беларусы-литвины – в России.

«Русский царизм стремился быть добрым отцом многонационального российского семейства. Россия брала под крыло всех обиженных православных, спасая от турецкого геноцида армян, болгар и сербов. Но внутри самой русской нации шла незримая борьба за первое место: малороссов и литвинов усиленно оттесняли на периферию, лишали, по определению Екатерины II, „ненужной исторической памяти“, а само наследие Руси усиленно перетягивали на Москву» [6].

«Воссоединения» народов и их «присоединения» к растущей (географически) империи продолжались, в разных обличьях и оформлениях, несколько сотен лет. Беларуские крестьяне первые узнали на свой шкуре, что такое русское, крепостное право с подушным налогом и «барщиной». Несколько позже «русскую руку» почувствовали и магистраты вольных городов Беларуси и простые горожане. В русской империи были лишены «магдебургского права» все свободные города Беларуси, в них старобеларуский язык, на котором совершалось дело-производство, переводили на русский. А ведь на старобеларуском языке более пятьсот лет писались декреты сеймов и главного литовского трибунала, акты «копных», городских, земских и подкоморских судов, акты и приходно-расходные книги городских управ, магистратов и магдебургий, в частности, документы всех свободных, пользующихся магдебургским правом, городов: Вильни (магдебургское право с 1387 года), Бреста (с 1390 г.), Гродно (с 1391 г.), Слуцка (1441 г.), Полоцка (1498 г.), Минска (1499 г.) и многих других. Это были документы повседневной жизни горожан – «реестры», «фундуши», и «инвентари» имений, «фольварков» и деревень, завещания, частные письма и другие документы.

Московское православие шло нога в ногу с русским чиновничеством, закрепляющим свое присутствие на новых территориях. В течение одного месяца из униатства в православие было переведено 330000 жителей Литвы-Беларуси, а за один 1796 год «перекрестили» в православие полтора миллиона человек. Во многих районах страны для умирения крестьян, не желавших переходить в другую «истинную» веру, направлялись войска.

Опять-таки я не пытаюсь сравнивать преимущества или недостатки той или другой веры. Но факты насилия режут глаз не только мне, они вызвали возмущение выдающихся русских мыслителей – Александра Герцена и Льва Толстого.

Александр Герцен напечатал в своем лондонском «Колоколе» статью «Секущее православие», где Иосифа Семашко называл «Иудой во Христе, который высек себе новый памятник на спине беззащитных жертв» [7].

Еще более категорично высказался относительно притязаний Российской империи на свое верховенство в семье славянских народов Михаил Бакунин в воззвании «К русскому, польскому и всем славянским народам». Об этом воззвании, опубликованном в герценовском «Колоколе», советские, русские историки, любящие ссылаться на этот журнал и цитировать его, обычно не вспоминают. Бакунин писал:

«Поляки, возможно, будут требовать слишком много... не ограничатся на Царстве Польском, а выскажут исторические претензии на Литву, Беларусь... и всю Украину... В таком слу-

чае они допустят большую ошибку. Я думаю, что... Украина... и Беларусь будут самостоятельными членами общеславянского союза.

Я требую только одного, чтобы каждому народу, каждому малому и большому племени, были даны возможности и права самим решать свою судьбу: хочет он слиться с Россией или Польшей – пусть сливается; хочет быть самостоятельным – пусть будет таким. Наконец, хочет он совсем отделиться ото всех и жить совершенно отдельным государством... пускай отделяется. Бог с ним, с величием петровским, екатерининским, николаевским, заставившим российский народ исполнять роль палача... Мы искали силу и славу, а нашли бесславие, заслужили ненависть и проклятие у придушенных нами народов. **Слава богу, наша двухвековая тюрьма – петровская держава – наконец, рушится.** Мы и сами подтолкнем ее в бездну. И воля нам; воля героической Польше, воля Белоруссии, Литве, Украине!...» [26]..

Все три восстания на территории бывшего федеративного государства, Великого княжества и Польской короны, (1794, 1830—31 и 1863 г.г.) потерпели поражения с катастрофическими последствиями для народов. Особенно жестоко было подавлено восстание 1863 года, начавшееся на территории Польши, как части бывшей Речи Посполитой, охватившее потом почти все новые, «русские» губернии «Северо-Западного края» (так стало называться бывшее Великое Княжество Литовское). Это восстание проходило под руководством славного сына литвинского края, Кастуся Калиновского, выпустившего первые в истории Литвы (Беларуси) газеты-листки, тиражируемые на беларуском языке, «Мужыцкую прауду» (Muzыckaja prauda).

Всплеск народного гнева закончился полным разгромом плохо вооруженных и недостаточно оснащенных отрядов повстанцев. Подавлением и разгромом восстания руководил печально известный генерал-губернатор Виленской губернии, «вешатель», Муравьев. Число только наказанных военно-полевыми судами достигло 18 тысяч человек. Кастусь Калиновский, самый яркий борец за свободу народа в том столетии, был казнен через повешение на торговой площади в Вильне 10 марта 1864 года. До нас дошло его, обжигающее душу, письмо к беларускому народу – завещание нам – «Ліст з-пад шыбеніцы» (в переводе с бел. яз. – «Письмо из-под виселицы») [7]

Империи, как Российская, так и Советская, не отличались особым разнообразием приемов и способов управления народами. Можно порассуждать о «положительном влиянии» на «диких горцев» или «темных литвин» после вхождения в Российскую империю, но это уже другая тема. Что особенно поражает в этом глобальном распространении России на несколько материков, это совершенно неумелое использование громадных ресурсов государства и выбор приоритетов его развития. Устройство государства было основано на патриотических эмоциях и великодержавных амбициях, начиная от «присоединения Аляски» и до транссибирской магистрали, с КВЖД и Южно-Маньчжурской веткой, ведущей от Чанчуня до Порт-Артура, главную военно-морскую базу России на Тихом океане, в Желтом (Китайском) море.

В России все более развивалось «проектное мышление». Но любой, нежелательный для царства, поворот событий приводил к тому, что миллиардные затраты России на очередной «проект» расширения империи оказывались на поверку «деньгами выброшенными на ветер». Стоило только крейсеру Варягу, из-за бездарного петербургского командования, погибнуть у Чемульпо, как тысячи километров «самой великой в мире», только что построенной, железной дороги оказались на территории другого, причем враждебного России, государства. Большая часть южной ветви КВЖД (участок от Чанчуня на юг), оказалась на оккупированной японцами территории и вынужденно была передана Японии.

Здравые мысли сегодня, наконец, начинают приходить в головы различных аналитиков, даже исповедующих «евразийские концепции». Начинают волновать, к сожалению, пока очень

немногих россиян, экспансионистские устремления новых государственных мужей, не отдающих отчета в своих действиях, не желающих оглядеться на историю государства, не желающих делать выводы из этой истории. Нравнодушные к судьбе русского народа, историки, экономисты и юристы сегодня предостерегают всех, заставляют оглянуться на прошлое России, которое изобилует для всех трагическими примерами.

«Российская империя, включившая в себя «беспокойные», инородные для нее по составу населения части – Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Туркестан, Кавказ – тратила огромные силы и средства, столь необходимые для преодоления отсталости страны, на бесполезное удержание этих областей, которые всегда были для России, русского человека, цивилизационно и этнически чуждыми. Территория Советской империи, где «никогда не заходило солнце», не воспринималась общественным сознанием русских в качестве жизненного пространства, сужение которого сулило бы прямую угрозу существованию русского народа. В итоге обе империи, истощенные морально и материально, в одночасье, с удивительной легкостью исчезли с политической карты, не выдержав, по меткому выражению Киссинджера, «чудовищного несварения желудка...»

Распад СССР означал не просто развал империи, но поворотный пункт в истории русской нации – необходимость отказа от возрождения империи, воссоздание которой в том или ином виде при ограниченности сил и средств будет равнозначен национальному самоубийству» [9].

Начало столетия в новой стране

Уже в конце XIX столетия в белорусской (литвинской) образованной среде окончательно вызрела идея о «беларуской нации», о федеративной самостоятельности народа после уничтожения царизма даже в составе нового государства, преемнике Российской империи. В демократическом подполье Петербурга, в среде революционеров-народовольцев готовились, в «Народной воле», акции уничтожения царя. Беларуский шляхтич Игнат Гриневицкий, студент Технологического института, осуществил теракт в столице Российской империи. На весь мир прозвучал взрыв на набережной Екатерининского канала, был убит Александр II. Именно, в Петербурге стал тогда выходить первый, нелегальный журнал «Гомон – Белорусское социальное-революционное обозрение» (1884 год), а позже было образовано на основах товарищества («суполка» – бел. яз.) легальное издательство «Загляне сонца і у наше ваконца» (1906 год). В этом же году стала выходить на латинице и кириллице ПЕРВАЯ беларуская газета «Наша доля».

До Первой мировой войны издательство в Петербурге успело выпустить более 100 тысяч экземпляров беларуских книг и брошюр. В начале XX века возрождению традиций беларуской культуры во многом способствовало широкое национальное движение, стала регулярно печататься в Вильне общепеларуская газета «Наша Ніва». Начал расцветать талант будущих классиков беларуской литературы – Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Цётки и др.

Первая мировая война заставила активизироваться самых передовых деятелей беларуской нации, однако конечные результаты этой войны еще раз ударили по беларускому самосознанию. Новый этап истории Российской империи в целом и еще не оформленной в самостоятельную единицу Беларуси начался с февральской революции.

Исчезновение монархии вначале очень вдохновило мужчин всего Минска, Негорелого и Койданава. Начинаясь, так многим казалось, новая жизнь, с весной дохнуло свободой. Моей тётушке, Анне Нестеровне, к «февральской» исполнилось десять лет, и она помнила, как дед носил красный бант в лацкане сюртука. Мой дед, Александр Павлович, Саша, как его звали дома, второй муж бабушки Александры (первый Нестор Старовойтенко, скончался), перед революцией получил повышение, но хотел уйти в отставку с должности начальника телеграфа станции Негорелое.

Негорелое. Станция с 1831 года – владение Ю. Абламовича, после того, как владения Радзивиллов были конфискованы. В 1871 через Негорелое прошла Московско-Брестская железная дорога Варшавской железной дороги.

Были у него планы перебраться в Менск, как тогда назывался наш древний город.

Зачем-то русским чиновникам от истории и географии так любо переделывать древние, сложившиеся названия городов, улиц, но так город жители упорно называли до 1939 года. Ну, а если уж привыкло российское «начальство» к слову «Минск», то пусть будет Минск. В деревнях все равно еще долго будут говорить так, как было на протяжении тысячи лет. Да и дома, по крайней мере, у нас, использовали эту древнюю форму названия города.

Мой дед со своим отцом, моим прадедом, Федором Александровичем Павловичем, вышедшим в отставку с должности станционного смотрителя Клинокской станции, успел как раз построить в Негорелом новый, каменный дом, который обошелся им не одной тысячей золотых рублей. Оставшиеся после строительства дома золотые червонцы, со слов бабушки, дед в 1917 году обменял на «керенки», которые быстро превратились в «труху», так как вскоре

«свершилась (так нас учили в школе называть это событие) октябрьская, социалистическая», и началось лихолетье.

Первая мировая война надвинулась на Западный край (слово Беларусь всё ещё было запретным), и белорусов стали «освобождать» и «воссоединять», то Польша, то Россия, а в промежутке между ними – Германия.

Подписанный большевиками Рижский «мирный договор» расчленил народ надвое, разорвал судьбы и лишил будущего миллионы белорусов.

Мировая война докатилась до станции Негорелое, откуда родом мои предки, Валахановичи и Павловичи, и вскоре подступила к Менску (Минску).

Кратковременные, более или менее спокойные, промежутки времени между очередными разрывами и сменой властей в быту и жизни нашей семьи, и всех белорусов, с начала 1917-го по конец 20-х годов, составили в памяти моей бабушки Александры (Саши) собственный календарь, в котором летоисчисление велось по этапам от «за тыми балшэвікамі» до «этых балшэвіков».

Февральская революция внушила надежды, а за небольшим промежутком времени от дней образования Беларускай Народной Рады до захвата Беларуси немецкими войсками был созван и в декабре 1917 года проведен «Первый Всебеларуский съезд (конгресс)» с участием 1872 делегатов, при ошеломительном сопротивлении местных большевиков. Съезд принял «Устаўную грамату да народаў Беларусі» и поручил Исполкому съезда принять участие в переговорах с немецким командованием, что было согласовано с «самим» Троцким, посетившим Минск.

Тем временем, большевики, Лев Троцкий с компанией, продолжали торговаться в Бресте с немецким командованием, готовили «Брестский договор», отдавали Германии белорусские земли с трехмиллионным населением. В той игре Ленина и Троцкого, где на кон ставились их личные судьбы и, конечно, судьба Совета народных комиссаров России, Беларусь была мелкой, разменной монетой. Троцкий не сдержал своё слово, данное белорусам, и судьба Беларуси была решена в Бресте без них, без участия делегации «Исполкома Всебелорусского съезда» – их просто не подпустили к столу переговоров. В Минске же в эти дни состоялась лекция главкома западного фронта Мясникова (Мясникьянца), в афишах была объявлена и тема его выступления – «Удержим ли мы власть?».

После лекции, 19 февраля 1918 года, вся «советская власть» (Облискомзап) сбежала в Смоленск. Через неделю в Минск вошли немецкие войска...

Германские войска оккупировали 23 из 35 белорусских уездов. Началось методичное разграбление Беларуси. Только из Минска на работы в Германию было вывезено около 15 тысяч человек. В городе действовали два концентрационных лагеря [1].

То же повторится и в июне 1941 года, когда первыми Минск покинут хорошо организованные и экипированные советские аппаратчики, оставив местному населению самим заботиться о спасении женщин и детей, причём власти удерут опять, именно, в Смоленск. Ведь недаром говорят, что «история повторяется сначала в виде трагедии, а потом ...». Но до «фарса» белорусам в следующий раз не дотянуть.

С приходом каждой новой власти появлялись бесконечные декреты, указы и распоряжения, развешанные на всех столбах, на заборах, дверях частных домов, то на немецком, то на польском, но больше всего на русском, особенно, когда власть переходила к большевикам. «Балшавікі паперы не шкадуюць» («большевики бумаги не жалеют» в пер. с бел. яз.), так писал про Мясникова (Мясникьянца) и его минскую кампанию в феврале 1918 года видный деятель белорусского возрождения Язэп Лёсик.

Но, надо быть справедливым, впервые, за сто с небольшим лет «вхождения» края в Российскую империю, стали появляться «дэкрэты» уже и на белорусском языке.

В этой чехарде население растерялось. Немецкие, «кайзеровские» войска зашли в Минск в 1918 году и пытались навести свои порядки, ушли немцы за ними пришли польские войска и власти (по бабушкиному календарю – это было «при Пилсудском»).

Потом новая напасть надвинулась с востока, солдаты в неопределенной форме и разной обувке и головных уборах, с комиссарами во главе, «в острых шлемах», прибывали на станцию Негорелое, заходили нестройными рядами в Койданава (сегодня Дзержинск), и устанавливали в очередной раз «советскую» власть. Заодно устроили в новом каменном доме моего деда «почту», вывесив на ней красный флаг. Шаткое равновесие на границе противостоящих государств, и приход в Негорелое старых знакомых в новой военной форме, порождал своеобразный отсчёт времени, в бабушкином календаре это время называлось – «за тымі балышевікамі» (бел. яз.). То есть, еще до тех, первых большевиков, которые для местного населения мало отличались от «вторых» или от «третьих»...

На станцию стали прибывать эшелонами со всех сторон войска, приблизилась линия фронта, подступал голод, исчезали продукты питания. Появилась новая, не очень понятная жителям, граница между государствами.

Дед быстро принимал решения и, долго не раздумывая, – надо было кормить семью, – оставил свой новый дом в Негорелом, перебрался в Менск, и там получил от какого-то нового, «революционного» начальства, как специалист по телеграфному делу, где-то неподалеку от Менска -Минска (он тогда назывался Минск-Литовский) мандат на полустанок (блокпост) с шлагбаумом и телеграфным аппаратом системы Бодо. Вместе с «блокпостом» полагался клочок земли, что и стало основой существования семьи нескольких следующих лет. К этому времени маме моей исполнилось семь лет.

Здесь же, на полустанке, в том же домике-будке, было и жильё для всей семьи, и одновременно рабочее место деда, с телеграфом в его комнатухе. Купили корову-кормилицу на долгие годы, которую по очереди пасли моя мама с тёткой. Иногда дед, оставив бабушку «на линии», умудрялся «смотаться» на пару дней куда-то на юг с попутными эшелонами, в зависимости от военной обстановки, за продуктами «на обмен». Потом, всегда неожиданно, появлялся, прыгивая на ходу с проходящего мимо «блокпоста» поезда, с мешком разной, случайной еды, вроде кураги, которую мама вспоминала потом всю жизнь.

«Блокпост» находился где-то вблизи новой границы, прочерченной по западным границам новой, возникающей советской империи, между возрождённой Польшей и РСФСР, и мама иногда забредала вместе с коровой в другое государство, «нарушала» границу, так как обе, и мама и корова, не понимали «текущего момента», «заграницей» трава корове казалась более сочной. Один раз «нарушителей», то есть корову, как «зачинщицу», и маму поймал пограничник, но так как все пограничники были из того же района, то услышав знакомую фамилию (мамы, конечно), он их отпустил. От того времени в нашей семье остался анекдот о двух пограничниках, встретившихся у пограничного столба – с польской и советской стороны, вступивших в сравнение языков (лингвисты называют это «компаративистикой»).

– «Как по польски – жопа», – спросил советский солдатик, и в ответ на польское «дупа», вздохнул с облегчением:

– «Тоже красиво»...

Наконец, гражданская война окончилась. Так и продержались дед с бабушкой, и моя мама со своей старшей сестрой, на железнодорожном полустанке, вдалеке от Минских событий до...

Хотелось написать «до лучших времен», но они так и не наступили. Хотя в Минск семье все-таки удалось вернуться, и даже найти жильё, «взять в наём» половину дома, поспешно брошенного городским «ксёндзом» и уцелевшего от мародеров. Дом находился на «Ляховке», окраине старого Минска, вблизи Виленского вокзала. Во второй половине дома жили Литвинчуки, их глава семьи, как и многие наши соседи, тоже служил на железной дороге. Мила Литвинчук позже, в 1945 году, сыграет случайную, но очень важную роль в соединении нашей, разброшенной по разным странам, семьи.

Бабушка Эмилия (мама звала её «тётя Эмма») была моложе бабушки Александры (Саши) на два года, а всего у моего прадеда, Викентия Валахановича, и прабабки, Розалии Довнар, родилось одиннадцать детей, многие из которых куда-то, растворились в новом, советском времени. Знаю только, что к революции бабушка Эмилия пару лет уже учительствовала на селе, в деревне Цитва, сравнительно недалеко от Минска, но я увидел её впервые только после 1945 года. «Дом на Дзержинской», как его потом долго называли, по рассказам мамы и тетки, был небольшой, по меркам того времени, но в каждой комнате было по два высоких окна, а в доме – два входа, причём у «парадного подъезда» было крыльцо с каменными ступеньками, и витые чугунные столбики, поддерживающие крышу над ним. Но самым главным в доме была великолепная, изразцовая (бабушка упорно говорила «кафельная») печь. Дом, по счастью, не реквизировали под какую-либо почту, как случилось с домом деда в Негорелом, когда новая власть «вошла в силу». Только сад в скором времени отрезали от участка «для нужд советского народного хозяйства».

После известного «Рижского мирного договора» и многих «решений Политбюро» земли Беларуси так расчленили, что возник по образному выражению одного анонимного журналиста «эдакий европейский Курдистан», то есть «Беларусь: польская, российская и непосредственно БССР».

Нашу многочисленную семью разрезали новые границы, дедушка Александр (Саша) после этих «переделов» смог увидеть свою родную сестру (бабушка Зина) через 50 лет, естественно, что только после смерти «вождя всех времен и народов».

Однако надо привести в хронологический порядок воспоминания членов нашей фамилии о «родовых муках» образования новой республики.

В несколько этапов Беларусь, все еще в России называемая Западный край, еще и еще раз была рассечена на части после революции 1917 года. Начиналась советская часть истории этих стран, история трагическая и кровавая.

По инициативе партии «Белорусская социалистическая громада» (БСГ) был созван 8—10 (21—23 по новому стилю) июля 1917 года в Минске II съезд белорусских национальных организаций, который принял решение добиваться автономии Беларуси в составе Российской республики. На съезде была сформирована Центральная Рада (Совет), которая после октябрьского переворота в Петрограде была преобразована в Великую Белорусскую Раду (ВБР).

1918 год – большевики по Брестскому миру отдают Германии половину территории сегодняшней Республики Беларусь, со всеми народами там проживающими. Поражение Германии дало возможность возврата и очередного объединения белорусских земель и ее народа.

1921 год – разгром Красной Армии в знаменитом «польском походе» Тухачевского.

Рижский мирный договор 1921 года – договор между РСФСР, «от имени» Белорусской ССР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, подписанный 18 марта в Риге, завершил советско-польскую трехлетнюю войну. В Минских и Виленских газетах тех лет появились карикатуры на этот «мирный договор» с такими, например, подписями:

«Долой позорный рижский раздел! Да здравствует, свободная, нераздельная, крестьянская Беларусь!». По этому договору вся Западная Беларусь – это современные Брестская, Гродненская и части Витебской и Минской областей были отданы Польше. Остановимся пока на этих датах белорусской «советской» истории.

Попытку выйти из «братских объятий» России, образовать собственное государство и сформировать национальные правительства, Беларусь осуществила в 1918 году.

25 марта 1918 года на заседании Рады Белорусской Народной Республики была принята «3-я Уставная Грамата Рады БНР», где и было объявлено об установлении независимой Республики.

Создатели двух первых «Уставных грамот», национальные лидеры белорусского народа, такие как Язэп Варонка, председатель Исполкома первого Всебеларуского съезда, или братья Луцкевичи – организаторы «Беларускай Грамады» – позже были отстранены, а потом и «устранены» большевиками, которые незамедлительно организовали «альтернативный» съезд в Смоленске.

В ночь с 1 на 2 января 1919 года (большевики любили все дела делать ночью) был подписан так называемый «манифест Жилуновича» о создании БССР, конечно, в составе нового государства Советов..

Однако по Брестскому договору Беларусь почти вся отходила «под немцев».

Немного остановлюсь на истории взаимоотношений Беларуси и России в самом начале «советизации» Беларуси. Прочитую некоторые факты этой истории, воспользовавшись работой Николая Зенковича «Тайны ушедшего века» [10] и некоторыми другими источниками.

«За плечами советской власти в Северо-Западном крае (сегодня Беларусь) стояли красногвардейские отряды, прибывшие из Петрограда, солдаты Западного фронта, распропагандированные большевистскими агитаторами, которые переходили на сторону революции. На стороне представителей национального самоопределения воевал корпус И. Довбор-Мусницкого, сформированный в июле 1917 года Временным правительством А. Керенского.»

Оставим в покое разбирательства историков, докапывающихся, кто тогда первым применил силу. По версии советской историографии – националистическая контрреволюция, объединившая свои силы с корпусом польских легионеров. Действительно, 12 января 1918 года генерал И. Довбор-Мусницкий начал военные действия против советской России. По версии эмигрантских историков военные действия начала советская власть.

«14 декабря 1917 года главком Западного фронта А. Мясников (Мясникянц) предложил И. Довбор-Мусницкому подчинить действия корпуса советскому командованию. Генерал, присягнувший Временному правительству, с негодованием отверг это предложение. Конфликт разгорался, столкновение становилось неизбежным. Оно и произошло под Бобруйском, Жлобином и Рогачевом, где располагался корпус. В результате боев красногвардейцы разбили 1-ю польскую дивизию и заняли Рогачев. Две другие дивизии отступили» [10].

Эмигрантские исследователи все-таки уточняют, что первыми силу применили Советы, разогнав заседание Великой Рады Беларуси 14 декабря 1917 года.

Совместное Заседание Великой Рады Беларуси и Центральной войсковой Рады, Минск 1917

Но съезд не прекратил своей работы. 19 февраля 1918 года, за два дня до занятия Минска немцами, от имени съезда было объявлено о создании правительства – Народного секретариата Белоруссии (в русском прочтении) во главе с Язэпом Варонка.

Язэп Варонка (1891—1952)

Тем временем большевики, Лев Троцкий с компанией, начали переговоры о мире в Бресте с немецким командованием, готовили «Брестский договор», отдавали Германии белорусские

земли с трехмиллионным населением. Переговоры начались 9 декабря 1917 года. Поскольку представитель РСФСР Лев Троцкий не хотел соглашаться с огромными территориальными и финансовыми требованиями немцев и провозгласил лозунг «ни мира, ни войны», 18 февраля 1918 года немецкое военное командование начало наступление по всему фронту. Немцы решили принудить Россию к миру. Их войска продвигались к Гомелю, Минску и Пскову, практически не встречая никакого сопротивления.

В той геополитической игре Ленина и Троцкого, где решались их личные судьбы и, конечно, судьба Совета народных комиссаров России, Беларусь была мелкой, разменной монетой. Троцкий не сдержал своё слово, данное беларусам, и судьба Беларуси была решена в Бресте без них, без участия делегации «Исполкома Всебелорусского съезда» – их просто не подпустили к столу переговоров.

В Минске же в эти дни состоялась лекция главкома западного фронта Мясникова (Мясникьянца), в афишах была объявлена и тема его выступления – «Удержим ли мы власть?». После лекции, 19 февраля 1918 года, вся «советская власть» (Облискомзап и Совнарком Западной области) сбежала в Смоленск. Через неделю в Минск вошли немецкие войска...

К слову, то же повторится и в июне 1941 года, когда первыми Минск покинут хорошо организованные и экипированные советские партийные аппаратчики, оставив местному населению самим заботиться о спасении женщин и детей, причём власти удерут опять, именно, в Смоленск... Ведь недаром говорят, что «история повторяется сначала в виде трагедии, а потом в виде фарса». Но до «фарса» беларусам в третий раз не дотянуть...

21 февраля 1918 года, в день вступления немецких войск в Минск, легализованный в этом городе после эвакуации советских органов, исполком Рады Белорусского съезда обратился к народу с 1-й Уставной грамотой, в которой объявил о том, что Народный секретариат будет защищать его интересы.

На минских улицах были расклеены списки членов Народного секретариата на немецком языке.

Исполком Рады Всебелорусского съезда 21 февраля объявил себя властью на всей территории Беларуси. Временным исполнительно-распорядительным органом стал созданный им Народный секретариат во главе с председателем Иосифом (Язэп бел. яз.) Воронко (1891—1952). В состав секретариата вошли ещё 15 человек:

Моисей Гутман – первый «товарищ» (заместитель) председателя и секретарь еврейских дел; Константин Езовитов – второй «товарищ» председателя и секретарь военных дел; Ефим Белевич – справедливости (юстиции); Гелий Белкинд – финансов; Палута Бодунова – опеки; Томаш Гриб – земледелия; Леонард Заяц – заведующий делами Народного Секретариата; Павел Злобин – великорусских дел; А. Карабач – почты и телеграфа; Пётр Кречевский – контроля; Семён Кривец – секретарь по общим делам; Иван Мокреев – внутренних дел; Виктор Редько – путей сообщений (то есть дорог и транспорта); Иван Середа – народного хозяйства; Александр Смолич – просвещения.

Первое правительство БНР.

Председатель Язэп Воронка – сидит второй справа

24 февраля 1918 года делегация Народного секретариата в составе Я. Воронки, К. Езовитова, А. Смолича и других посетила резиденцию германской военной администрации в Минске и выразила лояльность к новой власти.

На следующий день немецкий комендант принудительно выселил Народный секретариат из занимаемого им помещения. Беларуский флаг был снят. Уполномоченный по военным делам К. Езовитов получил приказ о расформировании 1-го Белорусского полка, что было незамедлительно выполнено.

9 марта состоялось Первое заседание Исполкома Всебелорусского съезда. Оно приняло 2-ю Уставную грамоту, в которой «Белоруссия» официально провозглашалась Беларускай Народнай Рэспублікай (БНР), а Исполнительный комитет был преобразован в Раду БНР. Во главе Президиума Рады стал И. Середа.

В ночь с 24 на 25 марта 1918 года после десятичасовой дискуссии Рада БНР приняла решение о независимости Беларуси.

25 марта 3-й Уставной грамотой БНР объявлялась «независимым и свободным государством». 28 апреля 1918 года на заседании Народного секретариата были утверждены государственные символы Беларуси – бело-красно-белый флаг и герб «Погоня».

В первое правительство БНР Иосифа Воронко вошли представители Беларускай Соцыялістычнай Громады (БСГ), российских социалистов-революционеров и еврейских социалистических организаций.

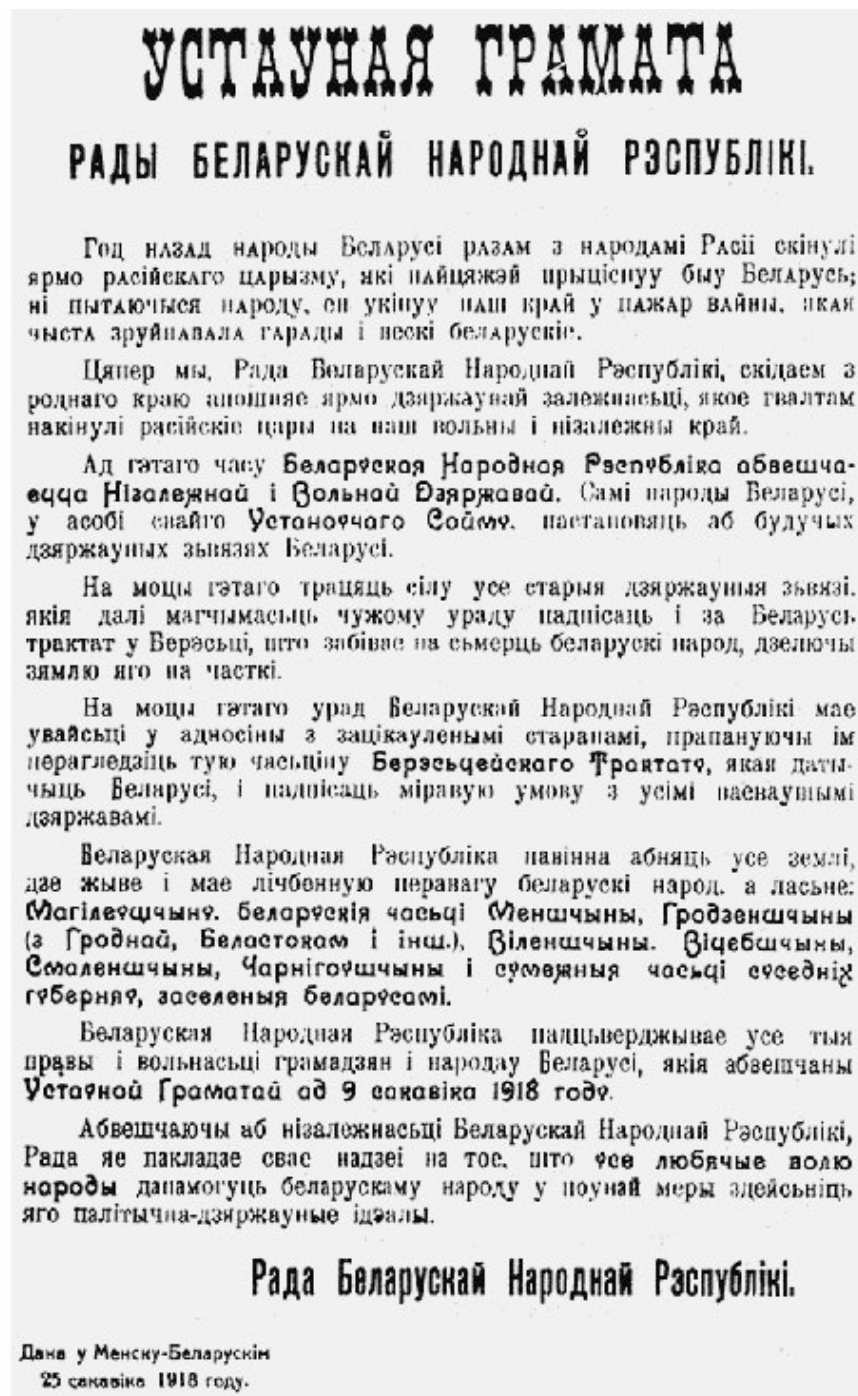
«В противовес Раде БНР, которую германское командование считало социалистической, в Минске образовалось Белорусское народное правительство (БНП) во главе с Р. Скирмунтом, П. Алексюком, ксендзом Гандлевским, Ф. Верниковским и другими...

Территориальные границы нового государства в Уставной грамоте определялись в самой общей форме, но были точно очерчены на карте Беларускай Народнай Рэспублікі, изданной в 1918 году и представленной Чрезвычайной миссией БНР на Парижской мирной конференции.

Правительство БНР послало в Киев к германскому послу делегацию в составе А. Цви-кевича, М. Довнар-Запольского, П. Тамковича с предложением признать самостоятельность Белоруссии и установить с местными немецкими властями отношения, способствующие созданию в БНР вооруженных сил для установления своей власти на территории советской части Белоруссии...» [10].

«Белорусская Народная Республика, – указывалось в 3-й Уставной грамоте, – должна объять все земли, где живет и имеет количественное преимущество белорусский народ, а именно: Могилевщину, белорусские части Менщины, Городенщины (с Городней, Белостоком и др.), Виленщины, Витебщины, Черниговщины и смежные части соседних губерний, населенных белорусами» (перевод с бел. яз.) [11].

Немецкое командование разогнало Раду БНР и Народного Секретариата, а после и запретило их. Однако органы власти продолжали действовать в Беларуси, а позже и в эмиграции. До сегодняшнего дня в зарубежье существует Рада БНР во главе с Ивонкой Сурвиллой, которая сохранила традиции своих предшественников до наших дней.

В марте 2018 года Председатель Рады БНР в изгнании, Ивонка Сурвилла, поздравила соотечественников с юбилеем провозглашения Беларускай Народной Республікі и призвала их быть достойными идеалов 25 марта. В поздравлении, размещенном на youtube, Сурвилла отметила, что сегодня Беларусь празднует не только юбилей тех славных событий, когда белорусский народ «объявил миру, что сбрасывает последнее ярмо государственной зависимости, но и 100-летие борьбы».

«Сегодня, 100 лет спустя после объявления независимости Беларускай Народной Республікі, Беларусь живет, и живут идеалы 25 марта. Путь наш был тернист, но мы выжили и не дали угаснуть нашей надежде... Не было бы БНР – не было бы БССР и не было бы независимого государства Беларусь», – убеждена Ивонка Сурвилла [12].

Истерзанная первой мировой войной, Беларусь сто лет назад стала объектом торгов между Россией и Германией, но не принимала в них участия. 3 марта 1918 года, идя на значительные территориальные уступки, делегация РСФСР подписала договор без обсуждения, так называемый «Брестский мир». Беларусь как национальный регион в договоре не упоминалась. Ее территория была поделена по линии Двинск—Свенцяны—Лида—Пружаны—Брест. Белорусская часть Виленщины и Гродненщины с Бельским и Белостокским уездами присоединялась к Литве. Украинской Народной Республике передавались земли на юг от Полесской железной дороги.

Через неделю в Минск вошли немецкие войска. Германские войска оккупировали 23 из 35 белорусских уездов. Началось методичное разграбление края. Только из Минска на работы в Германию было вывезено около 15 тысяч человек. В городе действовали два концентрационных лагеря [13].

«Воспользовались отказом Л. Троцкого подписать предложенные ими условия мира, германское командование отдало приказ о начале наступления по всему фронту. Одна немецкая армия двинулась в направлении Минск – Смоленск – Москва, другая – на Гомель.

К 3-му марта, когда наконец был подписан Брестский мир, большая часть территории Беларуси оказалась у немцев. Не оккупированы были лишь шесть восточных уездов – Климковичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, Витебский, Городокский, а также частично несколько уездов Витебской и Могилевской губерний» [13].

В конце марта 1918 года немецкие войска передали Украинской Народной Республике (УНР) Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды. В то же время БНР объявила эти территории своей неотъемлемой частью. «В конце апреля Гомельское городское общественное самоуправление протестовало против присоединения города к Украине и приезда в Гомель украинского комиссара» [13].

Беларуские политические партии и организации резко осудили грабительские и унижительные условия «Брестского мира».

После Ноябрьской революции 13 ноября 1918 года в Германии Всероссийский ЦИК аннулировал Брестские соглашения. Революционная ситуация в Германии вынудила немцев спешно уходить из Беларуси.

«Идея сохранения белорусских территорий в пределах России продолжала культивироваться до конца 1918 года. Это видно из постановления Всероссийского ЦИК от 23 декабря 1918 года „Об областных объединениях“. В соответствии с этим документом в состав Западной области включались губернии: Смоленская, Могилевская, Витебская, Минская и Гродненская. На заседании ВЦИК 23 декабря 1918 года председатель административной комиссии Я. М. Свердлов отмечал, что такое положение в отношении областных объединений с политической и юридической точки зрения является временным» [13].

6 декабря 1918 года штаб 10-й германской армии был эвакуирован в Вильно, а сама армия продолжала отступать на запад.

За отступающими немецкими войсками двигались отряды, наскоро собранные из подразделений различных областей и разномастных партийных принадлежностей. Новая советская власть организовывала на освобожденных территориях свои военно-административные структуры.

В 9 часов утра 10 декабря 1918 года части Красной Армии (Западной дивизии Западной армии) вступили в Минск. Город был освобождён. Части Красной армии были встречены рабочими города. Минск был украшен плакатами и флагами. На площади Свободы состоялся митинг.

Минский городской Совет рабочих депутатов, накануне, еще в условиях подполья, объявил о восстановлении советской власти в городе. Перед приходом немцев в Минск, в феврале, точно так же поступили лидеры национальной идеи, провозгласив создание Народного секретариата – своего правительства. Каждая политическая сила – антимосковская и промосковская – опиралась при этом на штыки военных.

«Минский городской Совет вступил в переговоры с Солдатским советом 10-й германской армии. В день освобождения Минска городской Совет обратился к населению города с приветствием. В нём он поздравил минчан с освобождением от оккупации и восстановлением Советской власти:

Товарищи! Сбылось то, о чём мы мечтали, – говорилось в приветствии, – за что мы боролись в эти чёрные дни бесстыдной власти капитала, разнузданной гнусной диктатуры империализма, мы снова свободны, мы снова в нашей великой родной революционной семье русского пролетариата.»

На освобождённой от германских войск территории Беларуси везде возвращалась или устанавливалась власть российских большевиков, в спешке бежавших в феврале 1918 года» [14].

ПРИКАЗ №16

Минского Губернского Комиссариата по Военным делам

Минской губернии.

19 декабря 1918 года

§2

Уездным Военным комиссариатам в срочном порядке приступить к организации Уездных комиссариатов по военным делам в следующих городах: г. Бобруйск, Борисов, Слуцк, Игумен, Речица, Мозыр, Несвиж.

Одновременно необходимо организовать в уездах Волостные комиссариаты по военным делам, при организации комиссариата руководствоваться штатами (приложение к Приказу) Народного комиссара по Военным делам за №95.

Минский Губернский Военный комиссар Кривошеин, Некрасов.

Секретарь Воробьев.

В городе Несвиж таким военным комиссаром стал мой отец, Андрей Яковлевич Прокопчук.

К моменту восстановления советской власти лидеров БНР в Минске уже не было. А. Луцкевич, В. Захарько, А. Цвикевич, Я. Ладнов и другие уехали на Запад – в качестве эмиграционного правительства.

В ночь с 1 на 2 января 1919 года (большевики любили свои дела делать ночью) в Смоленске был подписан так называемый «манифест Жилуновича» о создании БССР, конечно, в составе нового государства Советов.

Однако по «позорному Брестскому договору», по выражению историков, почти вся Беларусь отходила «под немцев».

На территориях, занятых большевистскими войсками, спустя месяц Москва инициировала образование Литовско-Белорусской Советской социалистической республики (Литбел).

«В результате раскола в политическом руководстве БНР, серьезных ошибок в программе преобразования общества, отсутствия своих вооруженных сил, органов государственной безопасности и полиции, а также неблагоприятной международной ситуации БНР была уничтожена Россией и Польшей, не успев превратиться в полноценную державу» [15].

Новое большевистское правительство не пренебрегало любыми формами организации своих вооруженных сил. Из-за отсутствия реальных сил, большевиками было принято решение легализовать отряд Булак-Балаховича, избранного солдатским комитетом командиром эскадрона и назначив его командиром Лужского партизанского (1-го конного) полка.

По приказу наркомвоенмора Троцкого, полк Балаховича даже участвовал в подавлении крестьянских восстаний, вспыхивавших в отдельных районах России.

Отношение историков к деятельности Булак-Балаховича, в частности, на территории Беларуси, очень противоречивы, но отдельные факты заслуживают упоминания. Он принимал участие в разгроме «белого движения» на стороне большевиков, организовал арест генерала Юденича, но в этом же году обратился к главе Польши Юзефу Пилсудскому и перешел на его сторону вместе со своим полком. Им же была потом сформирована дивизия, вступившая в сражения с частями Красной Армии.

Неоднозначная фигура Булак-Балаховича требует к себе внимания в белорусской истории.

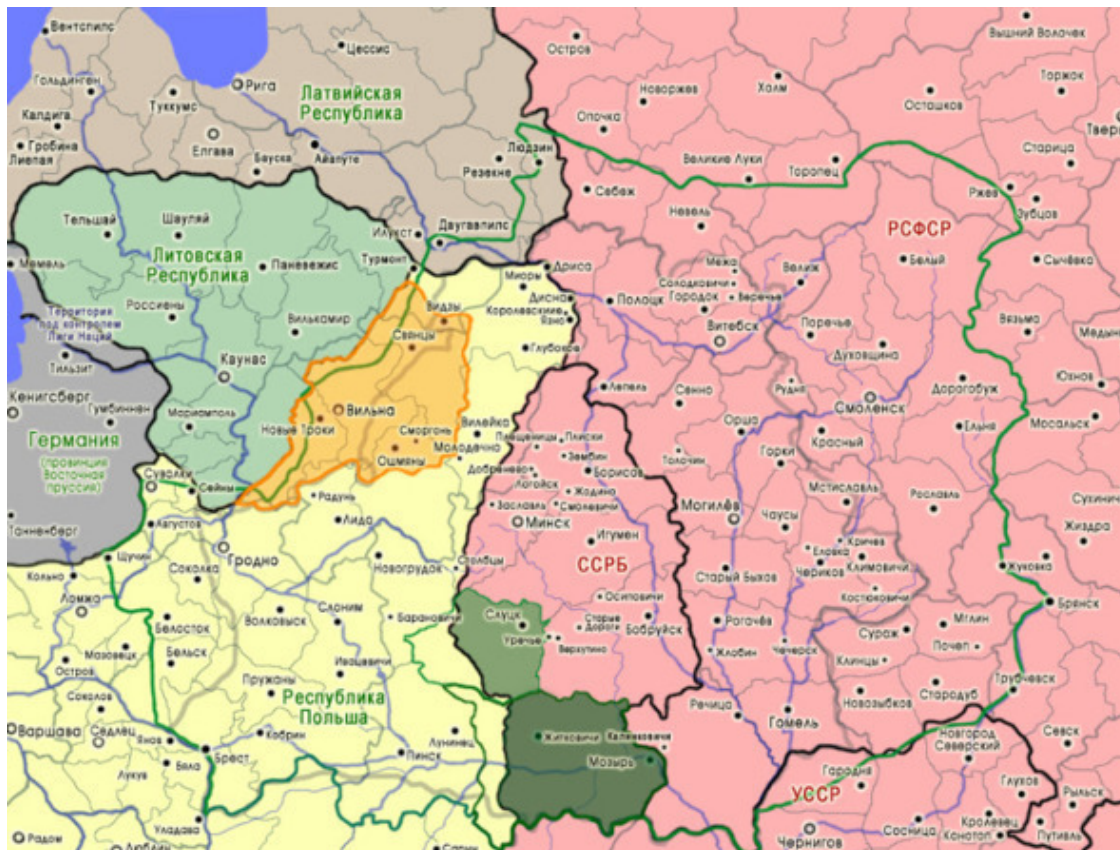
7 ноября 1920 года в Турове состоялось торжественное построение войск в присутствии командующего армии, генерал-майора С. Н. Булак-Балаховича и членов Беларускаго политического комитета (БПК). Был совершен молебен с молитвами за БНР и успех её оружия.

12 ноября в занятом генералом Мозыре члены БПК устроили Булак-Балаховичу торжественную встречу и провозгласили себя высшим государственным органом Беларуси а Булак-Балахович заявил о создании новой БНР, и о роспуске правительств БССР и БНР (в Ковно). БПК был преобразован в правительство Беларуси во главе с Вячеславом Адамовичем. Новое правительство назначает Булак-Балаховича «Начальником Беларускаго государства».

14 ноября он провозгласил себя главнокомандующим вооруженных сил Беларуси и приказал сформировать Беларускую Народную Армию (в составе Крестьянской дивизии атамана Искры, отрядов «Зеленого дуба», Особого белорусского батальона 2-й пехотной дивизии). Затем состоялся молебен с молитвами за БНР и успех её оружия. Генерал-майор С. Н. Булак-

Балахович развернул бело-красно-белый флаги поклялся не складывать оружия, пока не освободит родной край от узурпатора, после чего состоялся парад.

Фигуре этого неординарного человека уделено много внимания в материале «Рейд Булак-Балаховича 1920 г. Часть 2. Генерал-партизан [70]. Пользуюсь этим интересным материалом и картой, опубликованной там же.

Чёрными линиями на карте показаны границы государств и советских республик, в том числе советско-польская граница, установленная договором о перемирии от 12 октября 1920 г.

Зелёными – задекларированные 9 марта 1918 г. границы Белорусской Народной Республики. Часть территории Слуцкого уезда, на которой была провозглашена власть Наивысшей Рады БНР закрашена зелёным.

Тёмно-зелёным обозначена часть территории Мозырского уезда, на которой была учреждена власть Белорусского Политического Комитета. Тонкими линиями соответствующего цвета показаны полные границы этих уездов.

Оранжевым выделена территория Срединной Литвы

Серыми линиями обозначена современная граница республики Беларусь [70].

Тем временем, польские войска заняли Брест, Гродно, Пружаны и Волковыск, которые им уступили уходящие с линии фронта немцы.

Красная Армия к тому времени уже перешла в наступление и поляки начали отход по всему фронту. Остановились они только у самых стен Варшавы, где произошло знаменитое «чудо на Висле»...

«Польские войска, отогнавшие, к изумлению мира, Тухачевского от стен Варшавы и преследующие его по пятам, еще не взяли Минска, но Пилсудский, как до него Тухачевский, уже

вез новое правительство. В портфеле В. Ластовского ждал своего часа декрет о независимости Беларуси и о ее вступлении в федеративные отношения с Польшей.

Отступление Тухачевского было хаотическим. Боевые части, штабы, госпитали, тылы – все перемешалось. Временами отступление превращалось в бегство. Были сданы Брест, Белосток, Бобруйск – кстати, в Бобруйске формировалась польская Красная Армия. В результате бесславной польской кампании Тухачевский потерял почти все территории, отвоеванные у Польши» [10].

Через несколько дней в Риге были подписаны предварительные условия мира между РСФСР, УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой.

Польша признала независимость советских республик – Украины и Белоруссии.

Мирные переговоры о предварительных условиях мира, начатые 17 августа в Минске, закончились в Риге 12 октября 1920 года соглашением о линии государственной границы между Польшей и советскими республиками. Беларускай делегации, как и ранее в Бресте, не было при «дележе» ее территорий.

Польша пошла на раздел Беларуси, согласившись отдать России восточные белорусские земли. Мечта о неделимом белорусском государстве снова отодвигалась. Брошенные в очередной раз союзниками, «бэнээровцы» пытались исправить положение с помощью дипломатии.

Политика Советской России по отношению к «братскому» народу Беларуси ярко высветилась в свое время Брестским (Брест-Литовским) договором 3 марта 1918 года и нашла окончательное, еще более полное, воплощение в позорном «Рижском мирном договоре» 1921 года.

Рижский мирный договор 1921 года – договор между РСФСР, «от имени» Белорусской ССР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, подписанный 18 марта в Риге, завершил советско-польскую трехлетнюю войну. В Минских и Виленских газетах тех лет появились карикатуры на этот «мирный договор» с такими, например, подписями: «Долой позорный рижский раздел! Да здравствует, свободная, нераздельная, крестьянская Беларусь!». По этому договору вся Западная Беларусь – это современные Брестская, Гродненская и части Витебской и Минской областей были отданы Польше.

Против подписания Рижского мирного договора категорически выступили Беларуская партия социалистов-революционеров, руководство БНР, представители национальной интеллигенции БССР.

Классик белоруской литературы Якуб Колас, еще «непуганный» в следственных кабинетах ГПУ, написал после Рижского договора 1921 года, написал после того, как белорусскую нацию раскололи между Польшей и Советами:

*Нас падзялілі,
Хто? – Чужаніцы,
Цёмных дарог махляры.
К чорту іх межы!
К чорту граніцы!
Нашы тут гоні, бары.*

Думаю, что и перевода на русский язык не требуется.

Подытожим всю эту чехарду событий и перемен на землях Беларуси за короткие два года.

1920 год. Руководитель военно-дипломатической миссии БНР в Прибалтике К. Езовитов призвал генерал-майора Булак-Балаховича в качестве командира отдельного отряда Белорусской Народной Республики. Под командованием генерала было около 20 тысяч солдат. Булак-Балахович 6 ноября 1920 года начал наступление в направлении Мозырь – Калинковичи и захватил оба города.

Ноябрь 1920 года – северо-западнее Мозыря частям Красной Армии удалось нанести серьёзное поражение войскам Балаховича,

1921 год – «польский поход» Тухачевского на Варшаву.

1921 год – разгром Красной Армии в знаменитом «польском походе» Тухачевского.

1921 год. Подписание большевиками Рижского «мирного договора», расчленившего народ надвое, разорвавшего судьбы и лишившего будущего миллионы белорусов.

Остановимся пока на этих датах белорусской «советской» истории.

Борьба Москвы за территорию Беларуси позже нашла отражение и в достопамятном документе 1939 года (пакт «Молотова-Риббентропа»), продолжается и сегодня. В XX столетии, а теперь уже и в XXI веке, судьба народа, его государственности и культуры, не стала более благоприятной.

В Риге 18 марта 1921 года был окончательно подписан новый мирный договор. В соответствии со второй статьей договора из коренных белорусских земель к Польше отошли полностью Гродненская губерния, некоторые уезды Виленской и западные уезды Минской губерний. Решением польского правительства эти земли были разделены на четыре воеводства: Полесское, Новогрудское, Виленское и Белостокское. На их территории, согласно польской переписи 1921 года, проживало 3372134 человека. Основную массу населения Западной Белоруссии – 2371 тысячу или 70,5 процента – составляли белорусы. На втором месте по численности населения были евреи – 385 тысяч или 11,4 процента. Польское население насчитывало 311 тысяч человек или 10 процентов. Началась 16-летняя перековка почти 3,5-миллионного населения в обратном направлении. Она продолжалась до 1939 года, когда искусственно разделенный народ снова воссоединился в одной семье – теперь уже советской. Исторический спор между сторонниками западного пути развития Белоруссии и восточного, пророссийского, разрешился на целых 70 лет в пользу последнего» [10].

Задолго до этих событий, еще 27 декабря 1918 года у И. В. Сталина состоялось совещание с ответственными работниками Облисполкома А. Ф. Мясниковым (Мясникянц), М. И. Калмановичем, на котором обсуждались организационные вопросы государственного устройства Беларуси.

Облисполкомзап – Исполнительный Комитет солдатских депутатов

Западного фронта. К Облискомзапу перешла власть на всей территории Западной области, неоккупированной германскими войсками. После оккупации Минска германскими войсками Облискомзап эвакуировался в Смоленск, ставший центром Западной области, в состав которой в апреле 1918 года была передана Смоленская губерния Московской области. Они вошли в историческую литературу как шесть условий Сталина по созданию БССР и КП (б) Б.

У Сталина были выработаны условия образования Социалистической Республики Беларусь.

Третье условие гласило:

«В состав Республики входят губернии: Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская (последняя спорно: по усмотрению местных товарищей)...

30 декабря 1918 г. I съезд КП (б) Б принял постановление «О границах Белорусской республики». Ее территорию составили Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская и Смоленская губернии «с частями прилегающих к ним местностей соседних губерний, населенных по преимуществу белорусами» [14].

Смоленская губерния впоследствии вошла в состав Российской Федерации. От Виленской губернии к БССР переходили Дисненский и Вилейский уезды, часть Ошмянского уезда. Части Двинского, Люцинского и Режицкого уездов в 1920 году были переданы Латвии.

Через две недели после провозглашения Советской Социалистической Республики Беларусь (ССРБ) 16 января 1919 года, Пленум ЦК РКП (б) принимает решение об отделении от республики территорий Витебской, Могилевской и Смоленской губерний. В составе Беларуси оставались только Минская и Гродненская губернии.

Тем временем продолжалась ускоренными темпами аннексия Польшей белорусских этнических территорий. Пользуясь слабостью советской власти, она еще в начале 12 февраля 1919 года захватила Брест, Волковыск, в марте – Слоним, Пинск, в апреле – Лиду и Вильно, в июне – Молодечно, в августе – Минск, в сентябре – Борисов.

В июле 1920 года Литовско-Белорусская республика прекратила свое существование, ее территория была оккупирована. Мозырский, Дисненский и свободные от оккупации части Борисовского, Бобруйского, Игуменского уездов отошли к РСФСР.

По данным польской переписи 1921 года., на этих территориях проживало 3 372 134 чел. Беларусы-католики были записаны поляками, как ранее это практиковалось чиновниками Российской империи. Белорусская ССР была составлена из шести неполных уездов бывшей Минской губернии: Минского, Слуцкого, Борисовского, Игуменского, Бобруйского и Мозырского. На территории этих уездов проживало примерно 1,2 млн человек [16].

31 июля 1920 года в Минске была повторно провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ). В Декларации о независимости ССРБ отмечалось:

...«Советская Социалистическая Республика Белоруссия определяет свою западную границу на этнографической границе между Белоруссией и прилегающими к ней буржуазными государствами. Граница Советской Социалистической Республики Белоруссия с Советской Россией и Украиной определяется свободным волеизъявлением белорусского народа на уездных и губернских съездах Советов в полном согласии с правительствами РСФСР и УССР.

Устанавливается полное равноправие языков (белорусского, русского, польского и еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры. Объединившиеся вокруг знамени ССРБ политические и профессиональные организации в полном согласии с Красной Армией и Революционным Военным Советом Западного фронта объявляют, что впредь до созыва сво-

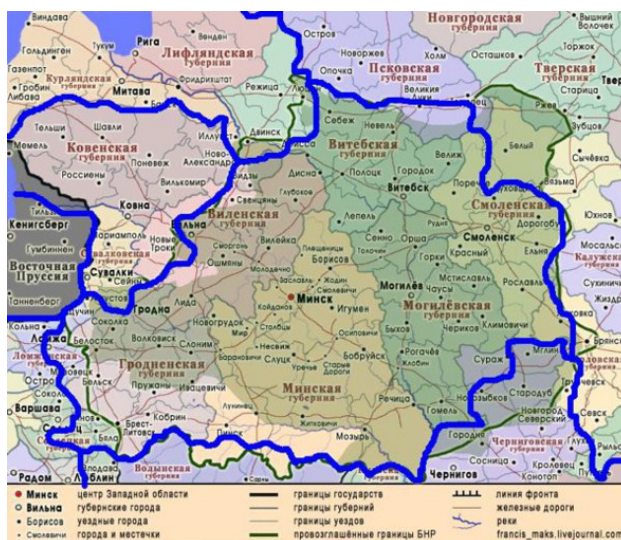

бодно избранного съезда Советов рабочих и красноармейских депутатов Белоруссии вся полнота власти в ССРБ принадлежит Военно-Революционному Комитету...» [15]

Советская власть, ее военное командование, опираясь на части Красной Армии, медленно, но верно вводила свои управленческие структуры в жизнь республики, название которой еще не устоялось.

Как уже было отмечено ранее, 8 марта 1921 года между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей – с другой был подписан Рижский мирный договор, в соответствии с которым советско-польская граница прошла в 40 километрах западнее Минска. После этого в составе ССРБ осталось лишь шесть уездов Минской губернии – Минский, Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий.

Вопросы территориальной целостности Беларуси продолжали находиться в центре внимания руководителей БНР. Примером может служить участие делегации БНР во главе с председателем ее правительства А. И. Луцкевичем в работе Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). Конференции был представлен меморандум о признании независимости Беларуси и ее карта в этнографических границах.

«Карта расселения белорусского племени» академика Е. Ф. Карского

Императорская Академия наук, Санкт-Петербург
издана Российской Академией наук в 1917 году [17].

Все усилия председателя ревкома А. Г. Червякова и других руководителей республики по возвращению в состав ССРБ тех частей Витебской и Могилевской губерний, которые в ходе гражданской войны отошли к РСФСР, оказались безуспешными.

Руководство Белорусской республики отрицательно отнеслось к инициативе центра (Москвы), расценив ее как нарушение провозглашенных принципов самоопределения народов. Через несколько дней ЦК КП (б) Беларуси делегировал в ЦК РКП (б) России Пикеля и И. Рейнгольда для переговоров о границах Беларуси, согласившись на отделение от Беларуси только Витебской губернии.

Таким образом, в 20-х годах XX века белорусские земли входили в состав пяти государств: ССРБ, РСФСР, Польши, Литвы и Латвии. Как отмечал известный ученый А. А. Смолич, «границы новых государств были проведены по живому телу Беларуси».

Попытку создать собственное государство и сформировать национальные правительства, Беларусь осуществила еще несколько раз.

Я хочу еще раз напомнить читателю, что 25 марта 1918 года на заседании Рады Беларускай Народной Республики была принята «3-я Уставная Грамата Рады БНР», где и было объявлено об установлении независимой Республики.

Создатели двух первых «Уставных грамот», национальные лидеры белорусского народа, такие как Язэп Варонка, председатель Исполкома первого Всебеларуского съезда, или братья Луцкевичи – организаторы «Беларускай Грамады» – позже были отстранены, а потом и «устранены» большевиками, которые незамедлительно организовали «альтернативный» съезд в Смоленске.

В ночь с 1 на 2 января 1919 года (большевики любили свои дела делать ночью) в Смоленске был подписан так называемый «манифест Жилуновича» о создании БССР, конечно, в составе нового государства Советов.

Однако по «позорному Брестскому договору», по выражению историков, Беларусь почти вся отходила «под немцев».

Судьба членов первого советского Беларускаго правительства особенно трагична. Почти все они были советской властью уничтожены по «приговору революционного трибунала». Тех, кто уцелел в 20-е годы, достали уже в «Большом терроре». В тридцатые годы будут расстреляны Александр Андреев, Моисей Калманович, Ричард Пикель, Исаак Рейнгольд, Дмитрий Чернушевич, Виктор Яркин. Язепа Дыло арестуют в 1930 году и вышлют из Беларуси в Пермскую область. В 1937 году покончит жизнь самоубийством Александр Червяков, на заседании в Доме Правительства, а Жилунович погибнет в психушке. Ему не простили ни «манифеста», ни сопротивления очередному разделу республики, когда его просто обманули в секретариате Ленина 16 января 1919 года.

Напомню, как это было.

Дмитрий Фёдорович Жилунович (Тишка Гартны, 1887—1937)

Ти́шка Га́ртный (настоящее имя Дмитрий Фёдорович Жилунович; белар. – Зміцер Хвёдаравіч Жылуновіч, (1887—1937) – белорусский поэт и писатель, редактор, глава Временного рабоче-крестьянского правительства Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ 01.01.1919 – 03.02.1919). Википедия

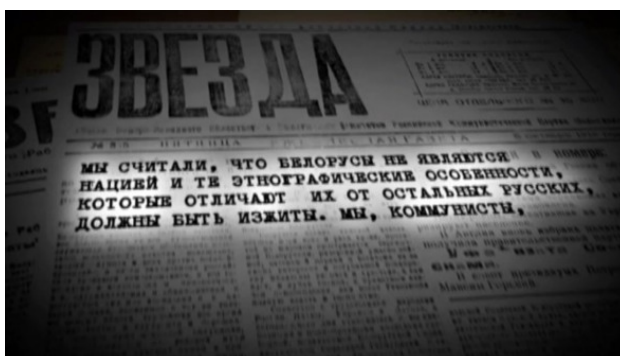
«Жилунович ждал приема у „вождя трудящихся“, и не знал, что в этот же день 16 января 1919 года ЦК РКП (б) приняло секретное постановление по Белоруссии. Согласно этому постановлению было решено выделить из состава Белорусской республики Смоленскую Витебскую и Могилевскую губернии. А оставшиеся Минскую и Гродненскую объединить с Советской Литвой в Литовско-Белорусскую республику» [18]

Так в очередной раз разделявали на кухонном столе истории советские «партайгеноссе», уже освежеванную лихими комиссарами, тушку, подстреленной в Мировой войне, республики. Такое приходит сравнение, когда знакомишься еще и с фамилиями некоторых исполнителей этого очередного акта варварства, высокомерного отношения к нации, ее культуре, языку. Это были политические «мясники». Отношение московских властей к белорусскому народу определялось и формулировалось «для центра» деятелями, вроде Мясникова (Мясникянц), такую удачную фамилию выбрала история для этого преступного дела. Главнокомандующий Западным фронтом Мясников (Мясникянц) вообще отрицал право белорусов на самоопределение.

Мясников-Мясникянц, с 1906 года член партии большевиков, в 1917 году был Председателем северо-западного областного комитета большевиков, а с 1 января 1919 года членом временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси по военным делам. С 1920 года занимал пост зам. пред. ревкома Белоруссии, а в 1920—22 годах стал секретарем Центрального бюро КП (б) Белоруссии.

Его ближайший соратник, секретарь Северо-западного обкома большевиков, Вильгельм Кнорин (Кнориныш) в газете «Звезда» от 6 октября 1918 года писал просто и убедительно:

«Мы (Мясникянц и Кнориныш) считаем, что белорусы не являются нацией, и те этнографические особенности, которые отличают их от остальных русских, должны быть изжиты... Мы, коммунисты, в том крае, который вы называете Белоруссией, работаем, не считаясь с тем, какого мы роду и племени»... No comment... А с кем и когда считались коммунисты?

Итоги Первой Мировой

Покончив, в прямом смысле слова, с правительством Беларускай Народной Республікі (почти все члены первого правительства БНР были репрессированы, расстреляны), окончательно, уже во второй раз, Россия присоединила земли другого народа к своим собственным, но под другим соусом. Завершился новый виток истории расширения Российского государства. Тем не менее, новая, на этот раз Советская власть ослабила административные вожжи управления культурным процессом на территории некогда самостоятельного государства. На несколько лет наступила «золотая пора» для развития «литвинской», теперь уже окончательно беларуской (этот термин усиленно насаждался в течение ста лет) самобытности – литературы, искусства, театра, кино. Ревнители теории трех братских народов неукоснительно называли край «Белоруссией». Им так было понятней. Советам на время стало недосуг – на всех «братских республик» не хватало ни сил, ни «красных профессоров», так назывались специалисты, ускоренными методами подготовленные для преподавания в высших школах Советской Республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства. Старая дореволюционная профессура или была отстранена от преподавания или изгнана за пределы новой империи, как это было в двадцатые годы, что в советской истории освещается под так называемыми «философскими пароходами». Списки «Анτισоветской интеллигенции», намеченной ГПУ для высылки за границу обсуждались на заседаниях Политбюро РКП (б), утверждались и подписывались руководителями правительства РСФСР.

Как ни парадоксально, именно в эти годы, в новой республике в начале 20-х, сложились наиболее благоприятные условия для развития национальной беларуской культуры. В республике проводилась политика беларусизации. Начали работать беларуские школы, был образован Институт Беларускай культуры. На его основе в 1929 году была создана Академия наук Беларуси. Но Москва скоро спохватилась, «не долго музыка играла», и с начала 1930-х годов поступательный процесс роста беларуской культуры был прерван, поскольку возобладал жёсткий идеологический контроль, были репрессированы многие деятели беларуской культуры и науки, настало время абсолютной русификации всей жизни республики.

Русификация Беларуси приняла в начале форму борьбы с «нацдемовщиной» (национал-демократией), а потом естественным образом перешла в «Большой террор», как называли западные историографы вакханалию борьбы за власть Сталина и его окружения, начавшуюся в конце 20-х годов. Об этом времени можно прочесть в кратком очерке Сергея Крапивина с характерным названием – «Юрка Листапад – последний непуганый беларус» [9].

Борьба советских чекистов с «нацдемовщиной» в Беларуси порождала в головах у этих людей такие химеры, как «листопадовщина», «прищеповщина» и далее, по списку, и по имени всех впоследствии репрессированных беларуских литераторов. В такой же, примерно, последовательности исчезали все писатели, поэты и другие яркие представители народа.

Из очерка С. Крапивина приведу краткий отрывок для иллюстрации атмосферы того времени:

«„листопадовщина“, а также „прищеповщина“ и тому подобная „нацдемовщина“, – это когда трое и более человек собираются вместе и начинают общаться по-беларуски. А если к тому же один из них является специалистом в беларуской истории или филологии, то сто процентно готово дело – контрреволюционная организация».

В предвоенные, советские годы, беларуский язык фактически перестал быть государственным языком и под предлогом узаконенного «двуязычия» республики был вытеснен из всех сфер общественной жизни. Ну, а после войны денационализация Беларуси пошла пол-

ным ходом и за два послевоенных десятилетия не было подготовлено ни одного учителя белорусского языка, проходила плановая ликвидация школьной сети с белорусским языком обучения.

За белорусское слово на протяжении всего XIX столетия Россия наказывала моих родичей, моих предков. За белорусский язык в 20-е годы двадцатого века «Советы» не только судили моих бабушек и дедушек, обвиняя в национализме... Казалось бы, время борьбы с национальными кадрами, борьбы сталинизма с национализмом, время «кровавого террора», уже давно позабыто, более полстолетия прошло. Но вот, чтобы в новой стране, в новом независимом государстве, в Республике Беларусь, в XXI-ом веке, за белорусский язык убили, как это произошло недавно с одним из представителей многочисленного клана родственников мне Довнаров, такого уже давно не было (газета «Наша Ніва» за №45 (643) от 2 декабря 2009 года).

Согласно спискам жертв, опубликованным в книге Леонида Морякова «Ахвяры і карнікі» [39] этот Довнар стал 31-м в «победном» мартирологе власти. Мало найдется других фамилий, которых с таким тупым упорством истребляла новая власть. Почему Довнары – трудно объяснить. Не было среди них политических деятелей, оппозиционеров или даже крупных исторических фигур. Может, только Довнар-Запольский дотягивает до энциклопедических страниц. Я подозреваю, что одной из причин очередного преступления над одним из Довнаров стало то, что этот Довнар разносил газеты, издаваемые на белоруском языке. Белорусский язык, как и в те далекие годы тотальной русификации, а позже и советизации края, остается до сих пор символом оппозиции новой, насквозь советизированной и русифицированной власти.

Беларусь, ее земли, города, ее народ (литвины, русы, или, как их называют сегодня, белорусы, не суть важно), были основой и главной составляющей частью Великого Княжества Литовского (ВКЛ) с момента его возникновения (XIII век) до многоходовой аннексии ее земель Московским царством, а потом Российской империей, поделившей в несколько приемов-разделов федеративное государство «Речь Посполиту» (Общее дело, общая республика, польск. язык) с Австро-Венгрией и Пруссией. Третий раздел привел к окончательной ликвидации независимого конфедеративного государства, ПЕРВОГО КОНФЕДЕРАТИВНОГО государства в Европе, в составе которого находились белорусские земли, что произошло в 1795 году. На территорию Великого княжества литовского зашли русские войска.

В результате этих разделов в начале XIX-го века народы современной Республики Беларусь и Литовской республики попали в полную зависимость от Российской империи со всем ее административным аппаратом. Мировая война и две революции мало изменили это положение тягчайшего подчинения нескольких стран новой российской власти, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, РСФСР.

Бесконечное перекраивание границ новых государств «старшим братом» уже через поколение приняло формы борьбы за историческое наследие ВКЛ. РСФСР, а позже Союз Советских Социалистических Республик (СССР с 1922 года), став преемником Российской империи, дважды за два десятилетия (1917—1939 г.г.) перекроил, вместе с Германией, карту Европы, «воссоединил» земли и народы Западной Беларуси и Украины, прирезал к ним Прибалтику, фактически присоединил к новой империи еще пять народов со своими землями.

Древняя Литва стала предметом спора двух новых государственных образований. Усугубило этот сложный вопрос безответственная передача Сталиным в 1939 году бывшей столицы ВКЛ Вильни вместе с Виленским краем из состава Беларуси (тогда БССР) в Литву.

Рамки моих исторических мемуаров не позволяют углубиться в эту проблематику, поэтому всех заинтересовавшихся переадресую не к трудам белорусских историков, а, чтобы не выглядеть слишком пристрастным, к недавно изданной монографии американского спе-

циалиста Тимоти Снайдепа (Timothy Snyder. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus. 1569—1999. Yale University, 2003), где затронутой теме посвящена целая глава – «Споры за литовско-беларуское Отечество». Рецензенты уже высказывали мнение, что у книги есть все шансы стать настоящим научным бестселлером и основательно пошатнуть позиции официальной литовской и русской историографии в современном западном дискурсе.

Однако, по порядку шагов истории.

Двукратное провозглашение советской республики, сначала в форме Литовско-Беларуской ССР («ЛитБел», 27.02.1919), а через год, как Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ 31.07.1920), давали надежду на спокойное сосуществование всех этнических групп в многонациональной республике. Не должно было бы, так многим казалось, измениться что-либо существенно и после вступления в «союзное государство» (1922 год), уже в виде БССР, ведь была принята конституция с «правом на самоопределение, вплоть...». К тому же, главный символ республики – герб, был окончательно утвержден «в центре» и просуществовал до 1937 года, а «Пролетарии всех стран...» на ленточках герба обвивали колосья ржи и дубовые листья на четырех официальных языках республики: **беларуском, русском, польском и идиш.**

Герб Республики Беларусь 1922 года

Однако у новых, советских руководителей были свои специалисты – создатели и руководители «Института красной профессуры», где трёхлетнее обучение всем наукам, считалось достаточным для «советского профессора».

Первый руководитель новой республики, председатель ЦИК, Мясникьян (Мясников), расчистил пути для московской партократии, и «доказал», что «белорусы не являются самостоятельной нацией, поэтому принцип самоопределения им не подходит».

А позже «красные специалисты» по истории и лингвистике, успешно продолжили, дополнили и претворили в жизнь эту партийную установку, спущенную сверху.

Письмо – донос в ЦК ВКП (б) Сталину «О белорусском языке, литературе и писателях» закрыл «в центре» сразу все вопросы о Беларуси и подготовил почву для нового этапа истребления интеллигенции республики. Приведу лишь несколько строк из этого малограмотного, но подправленного «красными профессорами», документа за подписью Секретаря ЦК КП (б) Белоруссии – Пономаренко, от 21.XI.38:

– «Враги народа, пробравшиеся в свое время к партийному и советскому руководству Белоруссии... .. Союз „советских“ писателей Белоруссии, идейно возглавляемый десятком профашистских писателей (в том числе известные Янка Купала и Якуб Колас)...» и т. д.

После чтения этой омерзительной кляузы мне уже не надо было искать другие документы, подтверждающие рассказы моей мамы. Отец был дружен с Янкой Купала, лечил его, когда он находился под домашним арестом, ездил с ним когда-то на охоту, и знал многое... О других национальностях (евреях, татарах) уже и не было речи, продержалась в прореженном виде до начала новой войны лишь «польская автономия имени Дзержинского», где проживала основная часть нашего рода, наши бабушки и дедушки со стороны мамы – Довнары, Валахановичи и Павловичи. Что с ними стало в «самой свободной в мире стране», желающие могут узнать из очерка «Охота на Донаров», размещенного в «Самиздате» [Прокопчук Артур, Самиздат].

Очень скоро, на практике, населению края пришлось столкнуться с адептами русской, советской, партийной точки зрения на беларусов, и не прошло нескольких лет со дня «добровольного вхождения» в СССР, как вся советская власть в республике оказалась в руках «выдвиженцев» из Москвы. «Дело Мясникянца» продолжили «товарищи из центра», «проявившие» себя в других регионах Советской страны, как например, Гамарник, из Дальневосточного крайкома партии или Гикало, понаторевший в партийных чистках в Узбекистане и Азербайджане. Как они ни старались услужить Москве, «сталинскому ЦК», все они не пережили 38-ой год, когда для «укрепления национальных кадров» Лаврентий Берия направил в БССР своего ближайшего друга, тёзку и собутыльника, Лаврентия Цанава, подкрепив это назначение новым секретарём ЦК Беларуси – Пономаренко.

Берия – этот мрачный демон НКВД-НКГБ-МГБ, практически завершил «советизацию» и «русификацию» Беларуси, закрыл, так называемый, «кадровый вопрос», по крайней мере, в правительстве БССР и других ведомствах республики.

Ленин, как в воду глядел, что национальные меньшинства не защитит даже конституционная формула «выхода из союза (СССР) и самоопределение, вплоть до отделения», что он сформулировал в качестве установки по национальной политике для большевистских советских практиков национального вопроса, вроде Сталина. Но каких масштабов достигнет «борьба за чистоту рядов партии», даже он не мог себе вообразить, какие «насилъники» оседают в конце концов правительство молодой республики.

Ленин писал: «При таких условиях очень естественно, что „свобода выхода из союза“, которой мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» (В. И. Ленин К вопросу о национальностях или об «автономизации» 30—31 декабря 1922 г. <http://library.maoism.ru/Lenin/Lenin-autonomisation.htm>).

Наша семья, хотя состояла в то время целиком из беларусов, как уже упоминалось, жила в районе «Ляховка». Не берусь утверждать, какие там тогда жили «ляхи», что и до сих пор у нас означает «поляки», но уж «Кальвария» или «Татарские огороды» дожили до советского времени, до дней моего детства. В 40-е годы через них мы ходили купаться на городское озеро, и всегда, почему-то с опаской, пробегали мимо разрушенной мечети. Мама часто навещала тётю Риту (Матусевич) на Сторожёвке и на перекопанном трактором кладбище, примкнувшем к «Кальварии», как-то споткнулась на вывороченную могильную плиту с надписью «Валаханович Севастьян» – это было местом упокоения моего прадеда.

Соседняя с нашей улицей, «Нямига» с синагогой, была местом плотного проживания минской еврейской диаспоры, с которой мы соседствовали и всегда тесно общались. А до революции дед туда приезжал купить «колониальный товар», например, ананас. Поляков или католиков-беларусов было прежде, до войны, очень много, но тут постаралась советская власть,

а точнее её органы НКВД. Минских же евреев почти поголовно уничтожили во время войны 41—45 года немецкие оккупанты.

Необходимо привести несколько справок, чтобы стало понятно, как решался новой советской властью «национальный вопрос», например, связанный с поляками, веками проживавшими на этих землях.

В июне 1937 года, Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило документ, который, как «Приказ», подписал нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Приказ N00485 имел, казалось бы, узкую нацеленность – «О полной ликвидации... личного состава польской агентурной разведки, действующей в СССР». Но, как у нас принято, приказ «на местах» был прочитан по-своему и привел к массовому уничтожению поляков, в основном крестьян и беженцев-коммунистов из Польши. Согласно донесению НКВД от 10 июля 1938 года, число лиц польской национальности, арестованных на основании этого приказа, составило 134 519 человек. Из них 71,3 тысячи человек были давние жители УССР и БССР. От 40% до 50% арестованных людей большевики казнили (т.е. от 50 до 67 тысяч человек), остальных отправили в концлагеря или выслали в Казахстан [22].

«Польскую автономию имени Дзержинского», которая ещё какое-то время держалась в республике, уже можно было и не расформировывать, так как к 1940-ому году почти все поляки и беларусы-католики или разбежались или были репрессированы. После войны, в 50-е годы, остаткам уцелевших поляков и некоторым беларусам-католикам «разрешили» выехать в Польшу.

Город Гродно окончательно «советизировался», что означало практически его полное опустение, город превратился в памятник исторического прошлого. Исчезла целая ветвь беларуской католической конфессии, неотъемлемая часть общей беларуской культуры.

Чтобы не мозолить глаза новой власти со старыми сослуживцами, быстро перекрасившись под алые цвета советских стягов, мой дед, Александр Павлович, ушел с железной дороги, сменил профессию, закончил, как тогда было модно, какие-то ускоренные курсы, и стал городским санитарным врачом. Маму, как «социально чуждую», в институт не приняли, пришлось ей отработать в «Минском статуправлении» техником-статистиком, чтобы получить какой-то, необходимый тогда, стаж для демонстрации лояльного отношения к новой власти. Одновременно мама немного поучилась в музыкальном техникуме, у неё были разные наклонности и способности.

Бабушка Саша с утра до вечера сидела за швейной машиной «Зингер», «обшивала» семью, а зимой с санками выходила к железнодорожным путям товарной станции, где можно было найти дровишек для домашней «кафельной» печи. Эшелоны шли мимо дома на восток и на запад. Семья лишь только приспособилась к новой власти и её экономическим реформам, как наступила очередная разруха – голод 29—30 года.

За несколько лет до этого Павловичи выдали замуж свою старшую дочь Анну, мою любимую тётю Нюру, за Георгия Яротто, эстонца, работающего, как почти все наши родственники-мужчины, на Варшавской или Либава-Роменской, точно не знаю, железной дороге. Жорж успешно делал «советскую» карьеру и его направили учиться в Москву, но в Минск он долго не возвращался, несмотря на то, что появилась на свет его дочь Майя. А тут наступил год «великого перелома» (1929), а за ним и «великий голод» – результат этой переломной «коллективизации».

Эти годы хорошо известны по многочисленным публикациям, воспоминаниям, свидетельствам очевидцев. Скажу только, что «дом на Дзержинской» стоял вблизи вокзала в Минске, а еще одна моя родственница, по другой линии, в то время жила у киевского вокзала

в Москве, так что насмотрелись они такого, что потом уже не вздрагивали при показе советской кинохроники о немецких лагерях смерти.

Не буду вдаваться в подробности семейного жизнеописания, только вспомню один эпизод, непосредственно связанный с хроникой нашей семьи. А заодно станут более ясными образы белорусских женщин, женщин нашей фамилии, облик моей светлой и сердобольной бабушки, которая никогда не могла пройти мимо чужого несчастья и горя.

Бабушка Саша не только «обшивала» семью, кормила и обстирывала детей и уже появившихся внуков (точнее, первую внучку, мою двоюродную сестру Майю). Она еще и «хранила очаг», в прямом смысле слова, то есть «добывала» дрова и топила в зимнее время изразцовую печь, которая оказалось довольно прожорливой. Дрова в те зимы были большим дефицитом в Минске, может не таким, как в Москве (помните у Маяковского – «больше всех дорогих даров я помню морковь драгоценную эту и пол-полена березовых дров»). Эти «драгоценные» поленья, зимой, на санках, бабушка привозила с железнодорожной станции, где знакомые по району соседи-кочегары иногда сбрасывали ей несколько чурочек с паровозов. Там же, в очередной свой поход за дровами, с санками, бабушка наткнулась на сброшенного, как поленья, с поезда, в беспомощности (наверное, думали – тиф), лежащего на снегу человека. Рядом, со смерзшимися от соплей носами, скулили двое мальчишек. Бабушка с их помощью взвалила уже заочеченного человека на санки и привезла его домой. Дома он «оттаял» и оказался немцем, Пецольдом Георгием Эмилиевичем, преподавателем немецкого языка из Республики Немцев Поволжья, из той республики, которой мы до сих пор обязаны «сарептской» горчицей. Там от голода уже умирали тысячи жителей, скончалась и его супруга, и Георгий Эмилиевич собрал своих мальчиков, получил какое-то разрешение и двинулся на историческую родину, в Дрезден, откуда были родом все Пецольды. В дороге он заболел, потерял на пути к Минску сознание и опомнился уже в жарко натопленной (дрова-то все-таки достали) комнате, где его натерли, разогрели, влили что-то живительное в рот и уложили в чистую постель. Дети Пецольда «старого», как его будут в дальнейшем называть в нашем доме, в отличие от Пецольдов «малых», Макса и Эмиля, так и остались под покровительством бабушки.

Позже Георгий Эмилиевич Пецольд стал преподавателем немецкого языка, профессором Института белорусской культуры (Инбелкульт), преобразованного в Беларускую Академию Наук. Даже получил квартиру в первом, выстроенном для профессуры, доме объединения «Камунар-Асветнік». Георгий Яротто так из Москвы и не вернулся и через некоторое время тетя Нюра (Анна Нестеровна) вышла замуж за Макса Георгиевича Пецольда, так у нас появилась и немецкая фамилия, принесящая потом много горя всей семье.

Поляки и немцы особенно раздражали советскую власть. Почти все Пецольды были подвергнуты репрессиям уже в 30-е годы, Георгий Пецольд («старый») после трёхлетнего тюремного заключения был расстрелян в 1941 году в Пятигорске вместе со второй женой, Александрой Августовной, которая тоже была преподавателем немецкого языка. Их имена занесены в «Книгу памяти жертв коммунистического террора» по Ставропольскому краю, они пополнили списки миллионов репрессированных по всей стране.

Макса Георгиевича Пецольда «забрали» в 1941 году из Орши, где он работал главным хирургом городской больницы, но расстрелять из-за быстрого наступления немцев не успели, их вывезли в Саратов. Так ему удалось выжить и позже, после этапирования в Карлаг (Джезказган), прожить 16 лет в лагерях и еще один год на свободе после массового, «Хрущевского» освобождения из лагерей в 1956 году. Но меня занесло уже к началу другой войны, а надо вернуться немного назад...

С вынужденным опозданием в три года, мама все-таки в 1931 году поступила в Медицинский институт и на втором курсе вышла замуж за моего отца, Прокопчука Андрея Яко-

влевича. Институт мама заканчивала уже в новой квартире, в «Доме специалистов» на углу Советской и Долгобродской улиц, куда они все перебрались в 1934 году.

В 1936 году во время сдачи последней сессии мама родила меня и смогла получить «Диплом с отличием», по специальности «врач-рентгенолог». Здесь же, на «Золотой горке», мы услышали о начале одной войны, финской, потом другой, и отсюда удирали из-под бомбёжки, жарким вечером, 25 июня 1941 года, взяв с собой, что было полегче, в руки, «на восток» по Московскому шоссе. Мне дали нести пустой чайник.

Мои родные женщины, – бабушки, мама и тетка, – горожанки, не соприкоснулись в 30-е с «раскулачиванием», и борьба большевиков с «нацдемовщиной» в БССР не затронула их, как мне ранее казалось, по причине их «другой специализации», медицинской. Советские блюстители порядка расправлялись в конце 20-х, начале 30-х, в основном, с носителями чуждой им культуры, любой религии, отличной от православия, литературы и поэзии на другом, не русском языке. Для этого была еще «подработана» для внешнего мира формула «об единстве русских, малороссов и беларусов», что закончилось к концу тридцатых годов практически поголовным истреблением беларуской культурной элиты и постепенным вытеснением беларуского языка из всех сфер общественной жизни. Для усиления «роли русского языка» были проведены три реформы беларуского правописания (первая в 1925—1926 г.г., неоконченная – 1930 года и реформа 1933—1934 года). Причем новые нормативные правила (их было 86) настолько исказили язык, что его уже трудно было отличить от русского. А за это время советские власти, в силу «революционной необходимости», под предлогом борьбы с «нацдемовщиной», истребили почти всех научных работников в области образования и специалистов-языковедов. При этом были изъяты и уничтожены большинство картотек беларуского языка, собранных специалистами, а к оставшимся архивам был запрещен доступ, что продолжается и в наши дни.

«В один из периодов 1931 года в Институте языкознания работало 6 сотрудников, причём знающих языковедов практически не осталось. Современные беларуские филологи подчеркивают тот факт, что более 20 новых правил, введенных реформой 1933 года, искажали установившиеся нормы беларуского литературного языка путём искусственного, неестественного и принудительного наложения на них правил русского языка» (Википедия).

Я пишу об этих далеких днях, но в моей памяти они все ближе и ближе, приближаются запомнившимися рассказами моей бабушки, моего деда, обрастают подробностями в обрывочных воспоминаниях тетки и мамы. История становится зримой, это уже не силуэты черно-белых фотографий тех лет, а окрашенные в цвета времени факты, образы, сжимающие сердце звуки войны, запахи прошлого, оставшиеся в старых сохранившихся вещах и слова, слова, давно ушедших из моей жизни родных и близких... Это уже не история из книжек, а жизнь моей семьи, ее многих поколений...

После двух революций

Исчезновение монархии вначале очень вдохновило мужчин всего Минска, Негорелого и Койданава – пришла февральская революция 1917 года, начиналась, так многим казалось, новая жизнь, весной дохнуло свободой. Моей тётушке, Анне Несторовне, к «февральской» исполнилось десять лет, и она помнила, как дед носил красный бант в лацкане военного сюртука, а бабушка Александра дополнила воспоминанием, как дед, на всякий случай, зарыл в саду все свои регалии и документы.

Мой дед, Александр, тоже Саша, как его звали дома, Александр Федорович Павлович, перед революцией получил повышение, но хотел уйти в отставку, покинуть телеграф станции Негорелое Московско-Брестской железной дороги и перебраться в Менск, как тогда называли наш древний город в Беларуси или Минск-Литовский, как его называли путейцы и было обозначено на картах.

Александр Федорович Павлович (1918 год)

Зачем-то русским чиновникам от истории и географии так любо переделывать древние, сложившиеся название городов, улиц, но «Менском» мой город жители упорно называли его до 1939 года. Ну, а если уж привыкло «начальство» к слову «Минск», то пусть будет Минск. В деревнях все равно еще долго будут говорить так, как было на протяжении тысячи лет. Да и дома, по крайней мере, в нашей семье, до сих пор используют эту древнюю форму названия города.

Дед со своим отцом, моим прадедом, Федором Александровичем Павловичем, давно вышедшим в отставку, покинувшим свой полк после столкновения с начальством и получивший должность Клинокского станционного смотрителя, успел как раз построить в Негорелом новый, каменный дом, который обошелся им не одной тысячей золотых рублей. Оставшиеся после строительства дома золотые червонцы, со слов бабушки, дед в 1917 году обменял на «керенки», которые быстро превратились в «труху», так как вскоре «свершилась (так нас учили в советской школе называть это событие) октябрьская, социалистическая», и началось лихолетье.

Первая мировая война надвинулась на Западный край (слово Беларусь всё ещё было запретным), и беларусов стали «освобождать» и «воссоединять», то Польша, то Россия, а в промежутке между ними – Германия.

С приходом каждой новой власти появлялись бесконечные декреты, указы и распоряжения, развешанные на всех столбах, на заборах, дверях частных домов, то на немецком, то на польском, но больше всего на русском, особенно, когда власть переходила к большевикам. «Бальшавікі паперы не шкадуюць» («большевики бумаги не жалеют» – перевод с бел. яз), так писал про Мясникова (Мясникянца) и его минскую кампанию в феврале 1918 года видный деятель белорусского возрождения Язэп Лёсик.

Но, надо быть справедливым, впервые, за сто с небольшим лет «добровольного вхождения» края в Российскую империю, стали появляться «дэкрэты» уже и на белорусском языке. В этой военно-политической чехарде население растерялось и расслоилось. Это расслоение дало корни, а потом на этих корнях образовалось то, что сегодня называется Республика Беларусь.

Немецкие, «кайзеровские» войска зашли в Минск в 1918 году и пытались навести свои порядки, ушли немцы за ними пришли польские войска и новые власти (по бабушкиному календарю – это было «при Пилсудском»). Потом новая напасть надвинулась с востока, солдаты в неопределенной форме и разной обувке и головных уборах, с комиссарами во главе, «в острых шлемах», прибывали на станцию Негорелое, заходили нестройными рядами в Койданава (сегодня Дзержинск), и устанавливали в очередной раз «советскую» власть. Заодно устроили в новом каменном доме моего деда «почту», вывесив на ней красный флаг.

Шаткое равновесие на границе противостоящих государств, и приход в Негорелое старых знакомых в новой военной форме, порождал своеобразный отсчёт времени, и в бабушкином календаре это время называлось – «за тымі бальшавікамі» (бел. яз.). То есть, еще до тех, первых большевиков, которые для местного населения мало отличались от «вторых» или от «третьих»... Пролегла и новая граница появившаяся после заключения очередного нового «мирного договора».

С советской стороны пассажиры поездов стали проходить контроль на станции Негорелое. Железнодорожная станция Колосово стала пограничной станцией с польской стороны. К слову говоря, курсировали даже поезда Негорелое-Париж и Столбцы-Маньчжурия.

Всех приезжавших в страну победившего социализма с западной стороны встречала помпезная арка с надписью «Привет трудящимся Запада» [57].

На станцию стали прибывать эшелонами со всех сторон войска, приблизилась линия фронта, подступал голод, исчезали продукты питания. Дед быстро принимал решения и, долго

не раздумывая, – надо было кормить семью, – оставил телеграф на станции, свою службу и новый дом в Негорелом, перебрался в Минск, и там получил от какого-то нового, «революционного» начальства где-то неподалеку от Менска-Минска (он тогда назывался Минск-Литовский) полустанок (блокпост) с шлагбаумом и телеграфным аппаратом системы Бодо. Вместе с «блокпостом» полагался клочок земли, что и стало основой существования семьи несколько следующих лет.

К этому времени маме моей исполнилось семь лет. Здесь же, на полустанке, в том же домике-будке, было и жильё для всей семьи, и одновременно рабочее место деда, с телеграфом в его комнатухе. Купили корову-кормилицу на долгие годы, которую по очереди пасли моя мама с тёткой. Иногда дед, оставив бабушку «на линии», умудрялся «смотаться» на пару дней куда-то на юг с попутными эшелонами, в зависимости от военной обстановки, за продуктами «на обмен». Потом, всегда неожиданно, появлялся, спрыгивая на ходу с проходящего мимо «блокпоста» поезда, с мешком разной, случайной еды, вроде кураги, которую мама вспоминала потом всю жизнь.

Блокпост находился где-то вблизи новой границы, прочерченной по западным границам новой, возникающей советской империи, между возрождённой Польшей и РСФСР, и мама иногда забредала вместе с коровой в другое государство, «нарушала» границу, так как обе, и мама и корова, не понимали «текущего момента», за границей трава корове казалась более сочной. Один раз «нарушителей», то есть корову, как «зачинщицу», и маму, поймал пограничник, но так как все пограничники были из того же района, то услышав знакомую фамилию (мамы, конечно), он их отпустил. От того времени в нашей семье остался анекдот о двух пограничниках, встретившихся у пограничного столба – с польской и советской стороны, вступивших в сравнение языков (лингвисты называют это «компаративистикой»).

– «Как по польски – жопа», – спросил советский солдатик, и в ответ на польское «дупа», вздохнул с облегчением:

– «Тоже красиво»...

Наконец, гражданская война окончилась. Так и продержались дед с бабушкой, и моя мама со своей старшей сестрой, на железнодорожном полустанке, вдалеке от Минских событий до... Хотелось написать «до лучших времен», но они так и не наступили. Хотя в Минск семье все-таки удалось вернуться, и даже найти жильё, «взять в наём» половину дома, поспешно брошенного городским «ксёндзом» и уцелевшего от мародеров. Дом находился на «Ляховке», окраине старого Минска, вблизи Виленского вокзала. Во второй половине дома жили Литвинчуки, их глава семьи, как и многие наши соседи, тоже служил на железной дороге. Мила Литвинчук позже, в 1945 году, сыграет случайную, но очень важную роль в соединении нашей, разброшенной по разным странам, семьи.

Бабушка Эмилия (мама звала её «тётя Эмма») была моложе своей сестры Александры (Саши) на два года, а всего у моего прадеда, Викентия Валахановича, и прабабки, Розалии Довнар, родилось одиннадцать детей, многие из которых куда-то растворились в новом, советском времени, разлетелись по разным городам империи. Знаю только, что к революции бабушка Эмилия, окончив гимназию, «пошла в народ» и пару лет уже учительствовала на селе, сравнительно недалеко от Минска, но я увидел её впервые только после 1945 года.

Александра (слева) и Эмилия Павловн-Валаханович (1913 год)

«Дом на Дзержинской», в районе Ляховки, как его потом долго называли, по рассказам мамы и тетки, был небольшой, по меркам того времени, но в каждой комнате было по два высоких окна, а в доме – два входа, причём у «парадного подъезда» было крыльцо с каменными ступеньками, и витые чугунные столбики, поддерживающие крышу над ним. Но самым главным в доме была великолепная, изразцовая (бабушка упорно говорила «кафельная») печь. Дом, по счастью, не реквизируют под какую-либо «почту», как случилось с домом деда в Негорелом, когда новая власть «вошла в силу». Только наш сад в скором времени отрезали от участка «для нужд советского народного хозяйства».

После известного «Рижского мирного договора» (1920) и многих решений Политического руководства в Москве, земли Беларуси так расчленили, что возник по образному выражению белорусского писателя и журналиста, Михаила Голденкова «эдакий европейский Курдистан», то есть «Беларусь: польская, российская и непосредственно БССР».

Нашу многочисленную фамилию разрезали новые границы, дедушка Александр после этих «переделов» смог увидеть свою родную сестру, бабушку Зину Павловн (в замужестве Валецкая), через 50 лет. Естественно, что это могло произойти только после смерти «вождя всех времен и народов».

Надо добавить, что распад, раздел белорусских семей начался еще до революционных событий 1917 года и Первой мировой войны. Массовые отъезды наиболее предприимчивых белорусов начались на изломе двух столетий.

В 1897—1914 годы от безземелья и безработицы в США и Канаду ушла (по Калубовичу [27]) 5-я волна массовой белорусской эмиграции, на этот раз экономической. Российская статистика скрывает ее губительные для белорусской нации показатели. Белорусский ученый, исследователь Аркадий Смолич оценивал ее приблизительно в 300—500 тысяч.

Аркадий Антонович Смолич (1891 – 1938) – общественный и политический деятель, учёный в области экономики, сельского хозяйства, картографии и географии. Родился в 1891 г. в деревне Бацевичи Кличевского района Могилёвской области. В 1916 г. окончил Новоалександровский институт сельского хозяйства и лесоводства в Пулавах (Польша). Один из лидеров Белорусской социалистической громады и Белорусской Народной Республики. Работал в Наркомате земледелия БГУ, где создал кафедру краеведения и географический кабинет. Был одним из основателей Академии наук БССР, стал первым профессором географии. Был репрессирован и в 1938 г. расстрелян (Википедия).

Из политических эмигрантов того времени можно надо вспомнить поэтессу Тётку (Э. Пашкевич) и писателя Ф. Олехновича, эмигрировавших в Австрию.

Ф. Олехнович – драматург и театральный деятель, после трехлетней эмиграции (1910—13 гг.) поверил в объявленную в 1913 году в честь 300-летия династии Романовых амнистию, вернулся домой, но царским правительством был посажен на год в тюрьму. Позже советские власти на 7 лет сослали его в Соловки [26].

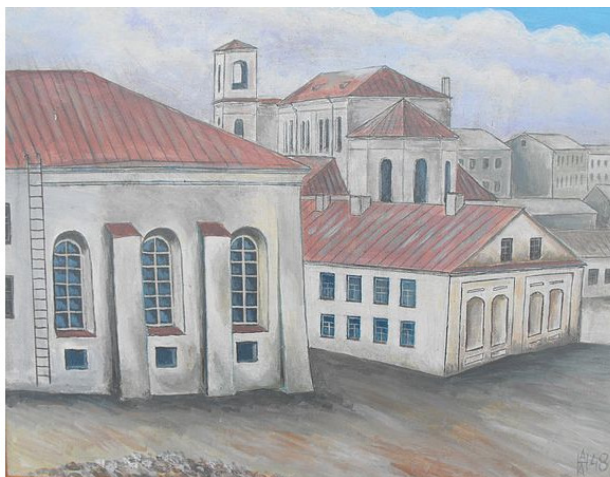
Беларуский вавилон

Минск начала 20-х годов представлял яркое, в этническом смысле, людское скопление. Даже названия районов города свидетельствовали о долговременном проживании в нем, по крайней мере, четырех национальностей (точнее пяти), каждая из которых давно и прочно обосновалась на своей территории, в своих кварталах и улицах...

Наша семья, хотя состояла в то время, в основном, из беларусов, как уже упоминалось, собралась в Минске и жила в районе «Ляховка». Не берусь утверждать, какие там тогда жили «ляхи», что и до сих пор на беларуском языке означает «поляки», но уж «Кальвария» (сегодня городское католическое кладбище) или «Татарские огороды», где когда-то стояла мечеть, дожили до советского времени, до дней моего детства, протекавшего на Интернациональной улице, ранее называвшейся Соборной.

В 40-е годы через них мы ходили купаться на городское озеро, и всегда, почему-то с опаской, пробегали мимо разрушенной мечети. Мама часто навещала тётю Риту (Матусевич) на Сторожёвке и на перекопанном трактором кладбище, примкнувшем к «Кальварии», как-то споткнулась на вывороченную могильную плиту с надписью «Валаханович Севастьян» – это было местом упокоения моего прадеда с материнской стороны.

Соседняя с нашей улицей, «Нямига» с «Холодной» (большой) синагогой, была местом плотного проживания минской еврейской диаспоры, с которой мы соседствовали и всегда тесно общались. А до революции дед туда приезжал купить, как он говаривал, «колоннальный товар», например, ананас.

**«Холодная» синагога, ниже – хедер на Немиге
Минск, 1948 год. Художник А. Наливаев**

Поляков или католиков-беларусов было прежде, до войны, очень много, но тут постаралась советская власть, а точнее её органы НКВД. Минских же евреев почти поголовно уничтожили во время войны 41—45 года немецкие оккупанты.

Необходимо привести несколько справок, чтобы стало понятно, как решался в разное время новой советской властью «национальный вопрос», например, связанный с поляками, веками проживавшими на этих землях. Тем более, что этим долгое время ведал первый Наркомнац страны Советов И. Сталин.

Еще в 1921 году в Польше была проведена всеобщая перепись населения, проживающего после подписания мирных соглашений с РСФСР, на территории Белостокского, Новогрудского, Полесского воеводств и Виленского административного округа, где проживало 3,4 млн. человек. Из них 1,885 млн. (54,1%) отождествляли себя с поляками» [36].

На советской территории Беларуси шла, в свою очередь, другая форма организации местного населения.

Первые польские национальные советы возникают в республике в 1925 году, как проявление национально-государственного строительства, в результате которого в СССР появились автономные республики, автономные области и национальные округа. В конце 1920-х начале 1930-х годов в республике происходит значительное расширение сети польских национально-территориальных образований.

БССР граничила с Польшей, которую руководство СССР рассматривало как плацдарм для начала антисоветской интервенции западных стран. В таких условиях расширение сети польских национальных образований могло стать мощным средством доказательства преимущества советской национальной политики в сравнении с политикой польских властей в отношении национальных меньшинств и тем самым усилить просоветские настроения среди белорусов и части поляков в Польше. Прежде всего провести массовую коллективизацию в районах сложившегося «хуторного хозяйства»

С 1928 по 1932 год количество польских национальных советов возросло с 19 до 40.

Постановлением ЦИК БССР от 15 марта 1932 года был образован первый в республике национальный, административный Койдановский польский район в составе 16 сельсоветов и Койдановского местечкового Совета (10 сельсоветов – польских, 5 – белорусских, 1 – литовский). Позже район был переименован в «Дзержинский» (29 июня 1932 г.) [19].

«Хотя в 10 из 16 сельсоветов польское население по данным местных властей составляло большинство, в целом по району поляков было 49,4% (белорусов – 45,31%, евреев – 4,69%, других – 0,59%). Таким образом, фактически при образовании национального польского района произошла подмена официального критерия («абсолютное большинство титульного населения») другим («абсолютное большинство национальных административно-территориальных единиц» – сельсоветов)» [20].

Но, как обычно, «начали за здравие, а кончили за упокой»...

В июне 1937 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило документ, который, как «Приказ», подписал нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Приказ N00485 имел, казалось бы, узкую направленность – «О полной ликвидации... личного состава польской агентурной разведки, действующей в СССР». Но, как было всегда принято со времен империи, приказ «на местах» был прочитан по-своему и привел к массовому уничтожению поляков, в основном крестьян и беженцев-коммунистов из Польши. Согласно донесению НКВД от 10 июля 1938 года, число лиц польской национальности, арестованных на основании этого приказа, составило 134 519 человек. Из них 71,3 тысячи человек были давние жители УССР и БССР.

От 40% до 50% арестованных людей большевики казнили (т.е. от 50 до 67 тысяч человек), остальных отправили в концлагеря или выслали в Казахстан [22].

«Польскую автономию имени Дзержинского», которая ещё какое-то время держалась в республике, уже можно было и не расформировывать, так как к 1940-ому году почти все поляки и белорусы-католики или разбежались или были репрессированы. После войны, в 50-е годы, остаткам уцелевших поляков и некоторым белорусам-католикам «разрешили» выехать в Польшу. Город Гродно, например, окончательно «советизировался», что означало практически его полное опустение, город превратился в памятник исторического прошлого. Исчезла

целая ветвь белорусской католической конфессии, неотъемлемая часть общей белорусской культуры.

В 1939 году не менее позорный, чем «Рижский мирный договор», заключенный втайне от своих народов, «Пакт Молотова-Риббентропа», окончательно включил Западную Беларусь, весь белорусский народ, в состав государства, исповедующего «сталинскую» национальную доктрину. Недаром этот документ, вместе с факсимиле «гения всех времен и народов» на карте раздираемой Европы, так долго хранился в сейфе генеральных секретарей компартии СССР, вплоть до последних дней Первого секретаря КПСС «Союза нерушимого», Горбачева, утверждавшего об отсутствии такого документа у него.

Горбачев отрицал до конца своего правления наличие и этого «пакта», и «секретные протоколы» и карты раздела Европы, и самого сговора с фашистами, а современные «сталинисты» уже договорились до того, что II-ая мировая война «началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии» (И. Пыхалов, «Надо ли стыдиться пакта Молотова-Риббентропа?», «СПЕЦНАЗ РОССИИ N 10 (97) Октябрь 2004 года).

Кстати, думаю, не зря подобные материалы публикуются в таких откровенных, военно-шовинистических сборниках, настраивают общественность на фашистский лад, приучают так думать «широкие слои населения».

Для белоруса не имеет особого значения оценка этого «пакта» с моральной, даже с «исторически обоснованной» позиции аналитика. Все гораздо проще и легко оценивается конкретными цифрами. В очередной раз, хотелось бы чтобы в последний, в 1939 году, Россия, на этот раз советская или сталинская, как кому нравится, делила с другим государством чужие земли, по своему усмотрению, не считаясь с народами, там проживающими.

Тогда же, в 1939 году, город Вильно (сегодня Вильнюс), город моих дедов и прадедов, а с ним весь Виленский край с преобладающим белорусским (литвины) населением (по разным источникам их там было до 80%), «прирезали» к другой республике. Хорошо еще, что к Литовской ССР, там хоть наши соотечественники жили, да и сама Литва, как она стала называться в советское время, была белорусам-литвинам ближе какой-либо другой страны (суверенной республики в составе СССР до 1989 года). Чего, к сожалению, не скажешь сегодня из-за курса принятого новым правительством республики.

Некоторые цифры и даты этого великодержавного, российского, политического тоталитаризма, просуществовавшего почти полтора столетия, где на кону были целые народы, все же привести надо.

Жернова истории

1797 год – всю огромную территорию Великого Княжества Литовского делят на части три империи, три государства (Россия, Австрия и Пруссия) и восточную ее часть под названием Литовской губернии присоединяют к Российской империи.

Позже термин «Литва» оставят только за одной Виленской губернией, хотя в народе Литвой, в течение всего XIX века продолжают называть почти всю современную часть Беларуси.

В официальном титуле царя Николая I все так же присутствовали титулы «Великий князь Литовский» и «князь Самогитский». В переводе на современный, понятный нам всем, язык, это означает – «Великий князь Беларуский» и «князь Литвы», поскольку Самогития – это Жемайтия, как она обозначена на политических картах XVII и первой половины XIX века. Сегодня это и есть территория Литовской Республики. Россия середины XIX века Литвой все так же считала Беларусь, а до середины XX века на всех картах присутствовали и Брест-Литовский и Минск-Литовский (до 1939 года).

Герб «Погоня» являлся составной частью гербов белорусских городов, тогда как на гербах Самогитии (современной Литовской республики-Летувы) присутствуют «столпы Кейстута», иначе «Калюмны», – герб Рюриковичей.

После первого раздела Литовско-Польского государства («Речь Посполита») Россия «прирастила» к себе население в 1 300 000 человек. После второго раздела (1792 год) России достались восточные земли Литвы (Беларуси) с городами Витебск, Орша, Могилев, Гомель общей площадью до 92000 км. кв.

После второго раздела Речи Посполитой еще более четырех миллионов граждан этой страны оказались в разных государствах: западные белорусы-католики оказались в Прусском королевстве, а восточные белорусы-литвины, униаты и православные – в России. В России в этот период времени проживало чуть более 20 млн. человек русского населения. Об остальных национальностях в ней проживающих говорить не буду.

«Кусок белорусского пирога, откушенного Екатериной Великой составлял огромную площадь с населением более пяти миллионов человек. Всего до «присоединения» западных земель в Российской империи проживало около 30 млн. жителей». Это составляло тогда шестую часть всего населения России. Учитывая примерную пропорциональность роста населения державы, можно утверждать, что и сегодня каждый шестой россиянин, если не белорус, то поляк, сам этого не подозревая. Вот и встречаешь в наши дни «истинных русских патриотов» с польскими или белорусскими фамилиями» [6].

В результате трех разделов Речи Посполитой к середине XIX-го века народы современной Беларуси почти целиком попали в полную зависимость от России. Новое, советское государство, сначала РСФСР, а позже Союз Советских Социалистических Республик (СССР) стали преемником Российской империи и дважды за два десятилетия (1917—1939 г.г.) перекроили, вместе с Германией, карту Европы, «воссоединили» земли и народы Западной Беларуси, Прибалтики и Украины, фактически присоединили к империи еще пять народов со своими землями. В два этапа Беларусь еще и еще раз была рассечена на части после революции 1917 года.

В 1918 году, подписав «позорный Брестский мир» (так его тогда называли в Российской империи), большевики «сдали» Германии Западную Украину, Прибалтику и почти всю Беларусь. Началась советская часть истории этих стран, история трагическая и кровавая.

Немного из истории взаимоотношений Беларуси и России в начале «советизации» страны.

Новая Византия, «третий Рим», то в облике Российского самодержавия, то в форме Советской власти тщательно искореняла любые усилия «братского», славянского народа добиться самостоятельности, самому решать и выстраивать свое будущее.

Пять веков, со времен походов войск Ивана Грозного, Литва-Беларусь оставалась ареной противостояния России с Европой, а западные границы империи постоянно передвигались по земле моих родичей, оставляя на ее теле неизгладимые рубцы. Впрочем, и сегодня мало что изменилось. Например, даже название страны – «Беларусь» (через букву «А»), вызывает у российских чиновников изжогу, а обюрократившаяся Академия Наук России устами ученого секретаря Института русского языка (Пыхов В.) требует исполнения «единственно правильной нормы» употребления названия в документах независимого государства (газета «Наша Ніва», N 45 от 2.12. 2009). Видимо, еще живо там поколение «специалистов», которых присылали в 50-е годы двадцатого столетия на радио в Минск, где работала диктором моя тетушка Лилия Стасевич, нормативные документы, списки слов, с требованием заменить «чуждое» им, беларуское слово «хвіліна», своим «истинно славянским словом» – минута.

В бесконечном продвижении все дальше и дальше на запад, Россия, откатившись в 1918 году назад, на восток, в 1939 снова передвинула свою границу и добралась до всего нашего обширного родственного клана, жившего тихо и мирно столетиями в «Западном крае», бывшем Великом Княжестве Литовском, позже Речи Посполитой.

Почти все мои предки со стороны матери, в частности Валахановичи и Довнары, обжили места вокруг древнего городка Койданово (так в русском написании), где появилась со строительством Московско-Брестской железной дороги станция Негорелое. А Негорелое и Койданава (так по-беларуски), сегодня называются Дзержинском, именно отсюда родом этот «пламенный революционер». В первую мировую войну Негорелое стало пограничной станцией особого значения.

Мои Довнары, разных социальных слоев и культурного уровня, редко покидали пределы этих земель. Только некоторые из них, иногда в силу служебной необходимости, уезжали из родного края, оседали в других местах, как Довнар-Запольские, мои предки со стороны матери или Довнары-Стаховские, со стороны отца. Многочисленные Довнары работали на земле (крестьяне-единоличники), служили на железной дороге, на почте, в больницах и банках, рождались с другими беларускими и польскими фамилиями, крестились по католическому, униатскому или православному обряду, часто не очень их и различая.

Да, были и ревностные и непреклонные католики, как моя прабабка Розалия Довнар, что ходила паломницей, босиком, в виленскую «Остру Брам» или французский Лурд. Все что осталось от нее в нашей семье, трижды горевшей в пожарищах этого столетия, это нателный образец из слоновой кости «Матери Боской Острабрамской». Но, к слову, я не слышал, чтобы были на религиозной почве внутрисемейные коллизии, хотя ее муж, мой прадед, Викентий Валаханович был крещен по православному (или униатскому, точно не знаю) обряду. А Униатство в ВКЛ вообще резко отличалось от православия своей терпимостью к другим верам, вот и кальвинистам когда-то в нашем родном Койданаве нашлось место, где уже большевики взрывали в тридцатые годы двадцатого столетия величественный кальвинистский собор.

Кальвинистский собор («збор» бел. яз.) в Койданово (ныне Дзержинск) фото 1930 года

Кланы Довнаров, Валахановичей и Павловичей были велики и обильны детьми, только у моего прадеда Викентия Валахановича народилось двенадцать сыновей и дочерей, одиннадцать из которых выжили и дали свои линии в общей семейной родословной. Прабабка уже не продолжила фамилии Довнаров, после нее пошли Валахановичи, ну а другие, где они? Не все же, как бабушка Зина, родная сестра моего деда Александра Павловича, успели уехать в смутное время гражданской войны в Польшу, где и продолжила род с фамилией Валецких (по мужу). Наступало лихолетье, пришла новая власть, спешившая «переустроить мир», лихо «рубил лес», от которого часто не оставалось даже щепок...

Советская власть входила в Беларусь не без трудностей.

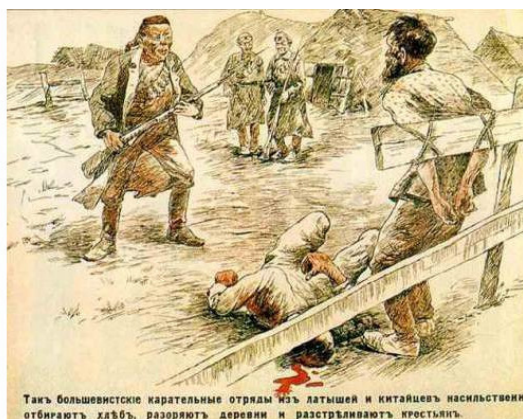
В 1920 году, например, на нашей семейной прародине. в Коданове, Иван и Казимир Довнары, со своими товарищами, арестовали «советский актив» и установили собственную охрану города. В этой «малой революции» принимали действенное участие, кроме Довнаров, еще два десятка местных фамилий. Надо их всех вспомнить, хотя бы потому, что судьба «революционеров» в Советской России трагична. Это были:

Павел Калечыц, Баравик, Тодар Куль, Юзик Пятуховский, Михась, Уладзимер Вашкевич, Кастусь и Зэнка Лобачы, Иван Тарнагурский, Павал Бабравницкий, Варатницкий, Иван Грушэвский, Юзик Сикорский, Алесь Кавалевский, Андрей Мялешка, Драздовский, Михась Мазуркевич, Иван Быковский, Сачко, Павал Шот, Дудковский и другие.

На 4-й день существования «Койдановской Самостоятельной Республики» к городку подошли красноармейцы 12-го стрелкового полка 2-й бригады и начали наступление. Силы были неравные и «республиканцы» отступили в деревню Дзягильна. После заключения Рижского мирного договора (1921) часть «республиканцев» большевики арестовали, часть расстреляли на месте, а часть из них успела уйти за границу в Польшу [21]

Беларуское население, как правило, неохотно принимало советских «комиссаров» во всех уголках новой республики, вступая с ними в организованную борьбу. Советская пресса до распада СССР называла эти вооруженные отряды, пестрые по национальному составу и религиозным воззрениям не иначе, как «банды уголовников». Остается только недоумевать, как же называть тех, кто кто входил в вооруженные отряды новоиспеченной Красной Армии, где и были, в основном, выпущенные из тюрем советской властью уголовники и откровенные наемники, как например, китайские отряды, воевавшие против местного населения [23].

Отряд китайских мигрантов после переезда большевистского правительства в Москву переименовали в «Первый интернациональный легион Красной армии», который стал использоваться для охраны первых лиц государства.

фотокопия плаката того времени

До наших дней тянется старая советская история неприятия любого другого мнения по поводу роковых событий, разделивших белорусское (и русское) общественное движение на два непримиримых лагеря. Положение в Беларуси усугублялось еще и тем, что часто границы противостояния новой Польши и новой России сдвигались самым непредсказуемым образом в течение нескольких дней, не давая привыкнуть жителям к особенностям новых властей.

В 20-е годы демаркационная линия между государствами (по линии Киевичи – Лань) проходила таким образом, что Слуцкий уезд власти Польши должна были передать под контроль новой советской республике – Белорусской ССР.

К этому времени тысячи белорусов-добровольцев воевали за независимость своей Родины с 1918 года. В конце ноября 1920-го состоялось первая масштабная военная операция целого самостоятельного соединения белорусских вооруженных сил – Слуцкое восстание [24].

К концу 1920 года Польша, которой помогали вольно или невольно тысячи белорусов и украинцев, отбила наступление большевистских войск на Варшаву (поход Тухачевского), вернула утраченные польские территории и заняла значительную часть Беларуси.

18 марта 1921 года между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей – с другой был подписан Рижский мирный договор, в соответствии с которым советско-польская граница прошла в 40 километрах западнее Минска. После этого в составе ССРБ осталось лишь шесть уездов Минской губернии – Минский, Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий.

Руководство Белорусской республики отрицательно отнеслось к инициативе центра, расценив ее как нарушение провозглашенных принципов самоопределения народов. Через несколько дней ЦК КП (б) Беларуси делегировал в ЦК РКП (б) России Пикеля и И. Рейнгольда для переговоров о границах Беларуси, согласившись на отделение от Беларуси только Витебской губернии.

Рижское соглашение вызвало возмущение представителей Белорусской Народной Республики, которые 20 октября 1920 года приняли резолюцию, в ней отмечалось, что «РСФСР и Польша, не имея общих границ и безжалостно опустошая до сих пор Беларусь, сражаясь на ее территории, сейчас сочли возможным решать судьбу белорусского народа и распоряжаться его землями без участия его представителей, игнорируя справедливые притязания белорусского

народа и его законного правительства, не допустили к участию в переговорах его правомочную делегацию» [24].

Для беларусов наступало время последних боев за независимость своей родины. Последними их можно назвать только по одной причине – все советское время эти сведения лежали в архивах, и любое освещение тех событий, все последующие восстания беларусов в борьбе за свою свободу, за независимость, носили ярлык «антисоветские», а документы тщательно скрывались.

Однако после стремительного распада СССР доступ к архивным материалам получили историки, исследователи, журналисты. «Ящик Пандоры» был открыт и в 90-е годы история советского периода стала освещаться совсем с другой стороны, вызывая часто только ужас перед открывшимися фактами, противоречащими газетным заявлениями о мире, о «победном шествии советской власти» и других, вдалбливаемых в советской школе «неопровержимых» подробностях того времени.

Одним из таких, все советское время скрываемых фактов, стали материалы о восстании беларуского края против «красных комиссаров», Слуцкое восстание – восстание против Советской власти в районе города Слуцка.

Целью восстания была объявлена защита независимости Беларуси и проходило оно под лозунгом «Ні польскіх паноў, ні маскоўскіх камуністаў» [25].

Слуцкое восстание сегодня считают эпизодом истории Беларускай Народнай Рэспублікі, правительство которой к тому времени уже почти два года находилось в изгнании.

«Слуцкі Збройны чын» («Слуцкое вооруженное движение» в переводе с беларуского языка), – это попытка «Часовай Рады Слуцкіны» (Временный совет Слуцка) восстановить независимость края в формате Беларускай Народнай Рэспублікі 27 ноября 1920 года. «Збройны чын» некоторые историки справедливо называют не «восстанием», а беларуска-российской войной 1920 года. В течение месяца под ружье стали свыше 4000 беларусов слуцкого края.

Национальное движение Беларуси захватило в двадцатых годах значительную часть двух уездов «Западного края» бывшей Российской империи.

На беспартийной конференции в Холопеничах (центр волости Борисовского уезда) была принята резолюция, в которой высказывалось желание *«мирным путем освободить Беларусь от польских и советских войск и дать ей возможность определиться без чьей бы то ни было диктатуры»*.

Похожая картина наблюдалась и в Минском уезде, так доклад Военревкома БССР от 15 ноября 1920 года содержит следующую информацию:

«Население некоторых волостей, узнав о самоопределении Белоруссии, не хочет признавать никакой власти, кроме несуществующего правительства „незалежной Беларусі“ и относится очень враждебно к организуемым волостным ревкомам, заявляя, что власть нужно выбирать, а не назначать из Москвы» [25].

Еще в 1918 году в Слуцке был образован Беларуска-польскі нацыянальны комітэт (БНК), который возглавил Павел Жаврид.

Павел Жаврид (1889—1939)

Павел Жаврид (белар. Павел Жаўрыд, 1 июня 1889—1939) – деятель белорусского национального движения и антисоветского военного сопротивления.

Организация вооруженных сил Белорусской Народной Республики (БНР) в Слуцке была возложена на Павла Жаврида, который в 1917 году окончил Виленское военное училище (Википедия).

Во время польской оккупации белорусских земель возникла Первая Слуцкая бригада войск БНР. В составе бригады к 22 ноября 1918 года появился 1-й полк «Слуцких стрелков», началось формирование 2-го полка – Грозовского.

В том же 1918 году в Слуцке заново открылась белорусская гимназия, одна из первых в Беларуси. Но и гимназию, и БНК ликвидировали в декабре 1918 года советские власти, как только взяли под контроль территорию Беларуси.

«Тысячи белорусов-добровольцев уже воевали за независимость своей Родины с 1918 года. Однако именно в конце ноября 1920-го состоялось первая масштабная военная операция целого самостоятельного соединения белорусских вооруженных сил...

Беларусы упорно сопротивлялись, однако советские части, благодаря поддержке артиллерии, имели подавляющую огневую мощь. К тому же, белорусская бригада имела ограниченные запасы патронов и быстро осталась почти без боеприпасов. Не хватало продовольствия и лекарств для раненых и больных тифом [24].

Самое точное определение людям, которые поднялись в 1920-м на Слуцкое восстание, дал белорусский историк Анатолий Сидоревич. По его мнению, это были «последние непуганые белорусы».

Восстание было жестко подавлено и 28—31 декабря последние 1.500 бойцов Слуцкой бригады, перешли польско-советскую границу и сложили оружие.

Слутские женщины соткали флаг 1-го Слутского полка стрельцов

Лидер Беларуской женской лиги, одна из учредителей Европейской Коалиции «Свабодная Беларусь», Нина Стужинская была недавно уволена из Института истории Национальной академии наук Беларуси, где она проработала 23 года, за свою работу историка, посвящённую Слутскому восстанию, за издание книги «Мятежная Беларусь» об антисоветском движении в Беларуси в 20-е годы XX века [25].

Стужинская Нина

(фото из <https://naviny.by/>)

Нина Стужинская. Кандидат исторических наук. Окончила исторический факультет БГУ, аспирантуру и докторантуру Института истории Национальной академии наук Беларуси. Стажировалась в университетах Варшавы и Берлина. Преподавала в БГУ и Институте парламентаризма и предпринимательства. Сфера научных интересов – беларуская

историография Октябрьской революции 1917 года, история гражданской войны, антисоветские крестьянские восстания и партизанская борьба 1920—1930 годов.

С 1984 г. – в Институте истории: аспирант, младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник; училась в докторантуре Института истории, подготовила к защите диссертацию на тему «Антисоветское движение в Беларуси 1917—1929 гг.». Преподавала в БГУ.

С момента образования Белорусской крестьянской партии была её членом. С 1995 г. стала членом Белорусской социал-демократической партии (Народная Громада), с 1998 по 2004 гг. являлась заместителем председателя БСДП (НГ), вплоть до раскола партии.

В 1998 г. основала ОО «Белорусская женская лига», является его председателем и координатором Белорусской женской сети. Была в числе организаторов основанной в 2007 г. Ассоциации свободных белорусских историков.

В 2003 году её уволили из Института истории, основной причиной увольнения послужило её участие в местных выборах. По ее словам, за этим также стоял лично глава Академии наук М. Мясникович. (Мясниковичи-Мясникянцы хорошо известны нам ранее, прим. автора) В качестве ещё одной причины её изгнания из Института Н. И. Стужинская назвала свою книгу «Мяцежная Беларусь» (Вильнюс, 2000), в которой подробно описывается история вооружённой антисоветской борьбы в Беларуси в 20-е гг. XX в.

<https://naviny.by/article/20171107/1510060095-istorik-nina-stuzhinskaya-belarus-byla-neprigodnym-dlya-revolucii-kraem>

Памятник «Борцам за свободу Беларуси», установленный белорусской диаспорой Германии в Миттенвальде к 28-летию Слуцкого восстания.

Такое же противоборство, но уже с другой страной, заново образованной Польшей, происходило на западных территориях Беларуси, «Западного края», попавшего после всех «мирных договоров» и линий раздела в юрисдикцию другого государства.

Там действовала «Белорусская крестьянская партия Зеленого дуба», часто просто «Зелёный дуб», – политическая организация на польских, белорусских территориях, которая с 1919-го до начала 1930-х годов руководила антипольским и антисоветским крестьянским белорус-

ким движением на территории Беларуси. Формальной целью партии было создание независимого белорусского государства».

«В 1917—1920 годы яркий пример белорусского национального вооруженного сопротивления многочисленным оккупантам показала Игуменщина (ныне Игуменский район Минской области). Не в последнюю очередь это было связано с тем, что до 1931 года 60% населения этого уезда Минской губернии составляла шляхта, которой свойственно было чувство хозяина, несмотря на то, что собственный, или арендованный участок земли она обрабатывала своими силами. Не следует забывать и про то, что шляхтичи были потомственными профессиональными военными» [26].

Самым же знаменательным событием 1920-го года на Игуменщине стало декабрьское вооруженное выступление против советской власти крестьян Якшицкой и Погорельской волостей (знаменательно, что одновременно со Слуцкими событиями). Партизанские формирования входили в деревни под бело-красно-белыми флагами. Люди поддерживали лозунги «Няхай живе Беларуская рада», «Няхай живе незалежная радзіма».

В эти же годы на территории Беларуси, отданной Польше, была создана Белорусская Войсковая Комиссия (БВК) – орган по формированию белорусских национальных войсковых частей в составе Войска Польского (1919—1921).

Летом 1921 года Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРС), возглавляемый эсером Савинковым Б. В., выработал план восстания в тылу советских приграничных армий. Предполагалось захватить железнодорожные узлы и отрезать эти армии от основной территории Советской России, воспользовавшись их рассредоточением вдоль границы, после чего уничтожить. Главный расчет делался на то, что действия НСЗРС вызовут резонансом крестьянские восстания по всей советской России (и Беларуси).

Конечно, из этого плана почти ничего не удалось Савинкову реализовать. Прекрасно организованный, провокационный план заместителя Начальника контрразведывательного и Иностранного отдела ВЧК-ГРУ Артузова А. Х. был реализован белорусскими чекистами, Савинкова заманили в Минск, где его и арестовали. Мой отец, Прокопчук Андрей Яковлевич, в этой операции был непосредственным участником и перевез Савинкова через пограничную речку на лодке, а потом привел его на «явочную квартиру» в дом на улице, которая сегодня носит имя Опанского.

Артузов Артур Христианович – настоящая фамилия – Фраучи, родился в селе Устиново Кашинского уезда в семье сыровара – выходца из Швейцарии. Детские годы провел в селе Юрино того же уезда. Артузов окончил Петроградский политехнический институт в 1916 году.. С 1918 в органах ВЧК, с 1919 зам. нач. Особого отдела ВЧК, затем Начальник Контрразведывательного и Иностранного отделов ВЧК-ГПУ, зам. нач. управления ОГПУ. Лично руководил операциями «Трест» и «Синдикат-2», путем провокации заманил в Россию Б. В. Савинкова и Сиднея Рейли. С 1934 зам. нач. разведуправления РККА. В 1937 году необоснованно репрессирован, расстрелян. В 1956 году посмертно реабилитирован.

Как-то моя мама, работавшая в детской клинике на улице Опанского, когда я пришел к ней на работу и провожал ее домой, показала мне на окна второго этажа скромного двух-этажного особнячка на этой же улице, и сказала, что «вот сюда Андрей Яковлевич и привез из Польши Савинкова Бориса». Потом рассказала о некоторых подробностях этой истории. К этому времени уже прошел по нашей стране очень тогда популярный фильм «Операция

Трест», так что я смог оценить реальность экранных событий и место в них отца. Вернее, полное отсутствие его в этой эпопее. Позже я дополнил эту информацию немногими книгами и очерками об этой «уникальной операции» советских органов безопасности. Есть немного об этом периоде жизни моего отца в книге «Мобилизован партией» (1971), но книга написана плохо, хотя и с нескрываемой симпатией к нему. Впрочем, в те годы написать правду о работе наших резидентов на западе было невозможно, несмотря на давность событий.

Повозившись немного с имеющейся литературой и кое-что выудив из разных источников, я установил, что Прокопчук А. Я. был включен в работу по операции «Синдикат» около 1920 года, главной задачей которой и было заманить Бориса Савинкова в Советскую Россию. Дзержинский привлек к работе в приграничных с Польшей районах Беларуси Опанского Юозаса (Иосифа), направив его в Мозырь, на этот стратегический участок границы, для налаживания связей с подпольными партийными организациями на территории Польши и нелегалами-резидентами. К Мозырю в это время подходили войска «белополяков», так их называет советская историография.

Опанский Иосиф Казимирович 1897—1927. Сотрудник спецслужб.

Начальник секретно-оперативного управления (СОУ). Работал в Белоруссии, где и погиб. Его именем названа улица в Минске.

Андрей Тисецкий приводит несколько фотографий того времени из домашних архивов участников или их родственников и комментирует эти снимки.

«На лацкане рукава у Александра мы видим бело-красно-белую нашивку подпоручика БВК (Беларуской войсковой комиссии) – органа по формированию белорусских национальных войсковых частей в составе Войска Польского в 1919—1921 гг. А общеизвестно, что БВК была еще и кузницей кадров для боевых партизанских отделов белорусской антисоветской организации „Зеленый Дуб“, действовавших на Игуменьщине совместно с боевыми отделами НСЗРС. Не исключено, что неизвестный на фотографии – Лобуков-Катин!» [26].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.